

РОМАН-ГАЗЕТА

Владимир Успенский / **Неизвестные солдаты** ✓

Владимир Дмитриевич Успенский

Неизвестные солдаты кн.3, 4

Scan, OCR, SpellCheck, FB2: Чернов Сергей chernov@orel.ru
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156755

Владимир Успенский Неизвестные солдаты: Роман-газета, № 8 2006 г.;
Москва; 2006

Аннотация

В заключительных книгах романа «Неизвестные солдаты» рассказывается о последних днях Великой Отечественной войны и первых послевоенных годах.

Читатель вновь встретится с полюбившимися героями, перенесётся в горящий Берлин, в ставку Верховного Главнокомандующего, станет очевидцем того, как создавался послевоенный «ялтинский» миропорядок, как по обе стороны океана политиками принимались решения, затрагивающие судьбы миллионов людей.

Содержание

КНИГА ТРЕТЬЯ	4
Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	149

**Владимир Дмитриевич
Успенский
НЕИЗВЕСТНЫЕ
СОЛДАТЫ
книги 3, 4
(журнальный вариант)
КНИГА ТРЕТЬЯ**

Часть первая

Больше трех месяцев провел Виктор Дьяконский в тыловом госпитале. Во время операции хирург извлек из бедра пригоршню плоских осколков гранаты. Раны были глубокие и заживали медленно.

Из госпиталя направили Виктора в запасный полк, стоявший на окраине города. Доехал туда в старом дребезжащем автобусе. Потоптался возле серого унылого забора с ржавой колючей проволокой наверху, не спеша зашагал к проход-

ной. Торопиться некуда. От ребят наслышался, что за престель – запасные полки. Муштровка с утра до вечера, паек тыловой: с хлебом еще терпимо, а приварок ни к черту.

За серым забором увидел такие же серые дощатые бараки, низкие и длинные, до самых окон утонувшие в грязных сугробах. Перед бараками кирпичное здание штаба, а левее – просторный, до черноты истоптанный плац.

Удостоверение, выданное ему как командиру роты еще в июне, Виктор решил не показывать. Тут не фронт, тут, прежде чем доверить роту или взвод, заставят заполнить анкеты, писать биографию. Будут беседовать, сомневаться, посылать запросы... Зачем все это? Зачем трепать себе нервы?

– Старший сержант Дьяконский прибыл из госпиталя для прохождения дальнейшей службы! – представился он дежурному – капитану с красной повязкой на рукаве.

Тот даже не взглянул на него, бросил через плечо:

– В строевую часть.

«У них тут массовое производство, поштучно не разбирают», – весело подумал Виктор.

Пожилой сержант-писарь с нездоровым отечным лицом полистал красноармейскую книжку Дьяконского, тяжело поднялся со стула. В глазах промелькнуло любопытство.

– Две медали за тобой числятся. Где успел-то?

– Где все, – резковато ответил Виктор, не желавший вдаваться в подробности.

– Ну, побудь тут, сейчас доложу.

Вернулся писарь очень быстро. Уселся на свой стул, побряхтывая, вытянул ноги и произнес официально:

– Назначены в шестую роту на должность помощника командира взвода. Сегодня включим в приказ. На котловое довольствие – с завтрашнего дня...

В бараке шестой роты было пусто, люди на занятиях. Почти все помещение занимали железные кровати в два яруса, аккуратно заправленные старыми, вытершимися одеялами. Вдоль стены – широкий проход. Две печки, пирамиды, стол для чистки винтовок. Знакомая картина, привычный запах дегтя и ружейного масла.

Виктор пошел в каптерку сдать свой тощий вещевой мешок, на дне которого лежала смена белья, связка писем да учебник немецкого языка. В полутемной пристройке с зарешеченным окошком увидел знакомого по госпиталю Емельяна Вышкварцева.

– Ба! – воскликнул тот. – Каким ветром? К нам, что ли?

– В шестую направили.

– Хорошее дело, приятель, – Емельян крепко сжал его руку. – У нас, понимаешь, на всю роту десятка фронтовиков не наберется. Сам увидишь: наполовину детский сад, наполовину дом престарелых. А ведь нас не в городки играть собирали.

– Ты-то кем тут?

– Шмучочник и шкуродер, – засмеялся Емельян. – Старшиной роты поставили.

– Официально тебе представляться или как?

– Не ерунди, приятель, давай лучше раздавим заветную ради встречи.

– Нет. К ротному надо идти.

– Ну, до другого раза.

– И вообще не любитель я.

– Э, любовь – дело наживное! – весело подмигнул Емельян. – Практикуйся почаще и влюбишься...

Виктор обрадовался встрече с Вышкварцевым. Легче начинать службу на новом месте, когда есть знакомый, и тем более – старшина роты.

В госпитале они лежали в разных палатах и даже в разных концах коридора, но Емельян был человеком настолько заметным, что его знали все раненые. Плечистый, чернобровый, он целыми днями бродил по палатам: в одной сгоняет партию в шахматы, в другой починит радио, в третьей просто так потреплется для веселья. Было ему лет тридцать пять, но с молодыми ребятами держался он вровень, вместе с ними устраивал вылазки в город за папиросами. Раненые привыкли к его улыбке, привыкли слышать его звучный раскатистый голос.

Вообще-то Виктор не уважал людей шумливых и компанейских. Они казались ему легковесными. Кто знает, можно ли такому доверить серьезное дело?

Первое время в госпитале Дьяконский сторонился Вышкварцева. Но однажды, когда начал ходить, они оказались ря-

дом возле окна в курилке. Виктор принялся курить «козью ножку». Вышкварцев протянул ему папиросу. Смотрел молча, без улыбки. Виктор в тот раз заметил, что Емельян уже в возрасте: и морщинки на смуглом лице, и белые ниточки в черной шевелюре.

«Из-под Киева?» – спросил Вышкварцев. «Из-под Харькова». – «А раньше?» – «С самого начала». – «А я с июля. На Припяти начал, в Киеве кончил. Прошусь в свою дивизию – не посылают, дьяволы!» Плюнул, бросил окурочок и пошел к двери. Потом, будто вспомнив, вернулся и сунул в карман Дьяконскому пачку папирос: «Возьми, у меня две».

Сейчас Виктору приятно было слышать рокочущий уверенный басок Вышкварцева. «Такой нигде не пропадет», – подумал он, с удовольствием глядя на статную фигуру старшины. Все на нем новое. И гимнастерка, и широкий командирский ремень, и синие галифе, и хромовые сапоги с собранными в гармошку голенищами.

– Формой обзавелся, как генерал. Женщины, наверно, равнодушны к тебе, – усмехнулся Дьяконский.

– Да? – веселый взгляд Вышкварцева на секунду померк, и Виктору показалось, что старшина обиделся. – А почему бы и нет, приятель? Тут дело вкуса. Форма – она человека красит. Если, конечно, он за ней смотрит. А я от бойцов внешнего вида требую.

– Понятно. Кто у меня взводным будет, не знаешь?

– Треножкин, наверно. Мальчик вроде умный, но без ха-

рактера. Ты сразу дело в свои руки бери. Ну, сам увидишь...

Вечером Виктор познакомился со взводом, и впечатление осталось неблагоприятное. Очень уж разнокалиберный подобрался народ. Самым младшим – по восемнадцати, самому старшему – сорок четыре года. Пятеро казахов и трое татар почти не понимали по-русски. А главное, люди были какие-то затурканные, равнодушные. Ни разговоров, ни шуток. Молча почистили винтовки, молча построились на поверку. На прогулке перед сном пели вяло и по-казенному. Либо учили их без души, либо устали и отупели они от занятий.

Среди общей массы наголо остриженных бойцов выделялись трое сержантов – командиров отделений. У них и выправка лучше, и вид бодрей. Двое из них уже побывали на фронте, третий служил когда-то срочную на Дальнем Востоке.

Командир взвода младший лейтенант Илья Треножкин был на год моложе Дьяконского. Худенький, узкоплечий, с бледным лицом, взводный выглядел мальчишкой-подростком. Тонкие ноги свободно болтались в широких голенищах сапог.

– Кончил школу, потом на курсах полгода. Я местный, мама у меня здесь, – рассказывал Треножкин после проверки. Они сидели в канцелярии вдвоем, и младший лейтенант с уважением и даже с какой-то робостью поглядывал на Дьяконского. – Это у вас за ранение нашивки, не правда ли? Вы

немецкие танки видели? Говорят, очень сложно справиться с ними. А ведь вы танк подбили, верно?

– Кто вам сказал?

– Товарищ старшина роты.

– Ну, если товарищ старшина – тогда точно, – улыбнулся Виктор, глядя на нежное лицо Треножкина, на его тронутые чернотой зубы. Подумал с жалостью: «Мальчик примерный был, мама его лелеяла. Сладким кормила... Золотухой болел, наверно... Сапоги сорок третьего размера дали, а обменять постеснялся... Надо Вышкварцеву сказать...»

– Комвзвод, вы в какой институт собирались?

– Учиться? – у Треножкина зарделись щеки. – Понимаете, математика мне дается легко. У меня папа бухгалтер был и брат тоже... Своего рода семейная традиция... А получилось, видите, что? – развел он руками. – Я тут за месяц на четыре кило похудел. Мама ужасается – такой вид...

– Ничего, – успокоил Виктор. – Вид, как огурчик, бывает хуже.

– Огурчик, – грустно согласился Треножкин. – Зеленый и весь в прыщах. По утрам еле-еле встаю... Рад, что вы приехали, теперь легче будет вдвоем, правда?

– Точно, комвзвод. А сейчас пора мне койку осваивать. Разрешите идти?

– Да, да, идите, пожалуйста. Спокойной ночи.

Лежа на твердом соломенном тюфяке, Виктор думал, что в бою с таким взводнымхватишь горя. На фронт могут от-

править в любой день. Хорошо, если люди успеют схватить главное: научатся стрелять, окапываться, маскироваться. И еще – надо привить им веру в свое оружие и в самих себя. Чтобы поняли: ты сидишь в окопе с винтовкой и гранатой. Справа и слева товарищи. В окопе тебя не достанет ни пуля, ни снаряд, разве только случайные. Сиди и стреляй спокойно: убьешь фашиста, сам останешься цел. Побежишь – погибнешь. Лицом к врагу ты солдат, а спиной – мишень.

На новом месте Виктор уснул не скоро. А наутро чуть не проспал подъем – разленился в госпитале. Вскочил вместе с бойцами и сразу в строй: повел взвод на физзарядку.

Нудный и нескончаемый потянулся день, заполненный занятиями. С утра – тактика. Шесть часов в поле. На обед – жидкие щи да сухая, дерущая горло ячменная каша. После короткого отдыха еще три часа топтались на плацу, отрабатывали повороты в строю и на месте, отдавание чести. Бойцы цепочкой проходили мимо старшего сержанта, козыряли старательно и неумело.

Вечером Дьяконского сменил отдохнувший Треножкин. А Виктор, забравшись в каптерку, лег на кровать старшины.

– Что, приятель? – похохатывал Вышкварцев. – Умеют здесь жилы выматывать? Здоровые едва тянут, не то что после госпиталя. Такая установка, чтобы люди сами на фронт рвались. Хоть к черту в пекло, только подальше отсюда. Но и мы не лыком шиты. Ротный наш – мужик штатский, службы не знает. Для него устав – талмуд и евангелие. Этому очки

нетрудно втереть. Он на фронт с нами поедет, особенно не придирается. А командир батальона – зверюга. Рожа – во! В один прием не обложишь. Кадровый тыловик. С самого начала тут окопался и давит на всю железку. Семь очередей подготовил. Все с высокими показателями и досрочно. Его ценят. А фронтовиков он опасается, нас жевать трудно.

– Ладно, – сказал Виктор. – Комбат далеко, а мы сами собой.

На следующий день, когда отрабатывали тему «Взвод в наступлении», Дьяконский предложил Треножкину отвести бойцов подальше в лес. Разыскали поляну в густом ельнике, развели костры. Нарубили лопатами лапника, сели к огню. Это было какое-то разнообразие, и люди сразу повеселели.

– Товарищ старший сержант, – негромко сказал один из командиров отделений. – Тут до совхоза рукой подать. Баба у меня знакомая... Картошки бы...

– Давай! – разрешил Виктор.

Младший лейтенант был удивлен, но молчал. С мальчишеским любопытством поглядывал на своего помощника: что дальше? Виктору положительно нравился этот паренек, не выпячивавший свое командирское «я».

– Разрешите начать занятие? – обратился к нему Дьяконский.

– Пожалуйста, пожалуйста, – закивал тот.

– А ну, ближе, товарищи, – позвал Виктор. – Садись, на чем стоишь. Сегодня смотрели мы с младшим лейтенан-

том, как перебегать учиться. В общем – правильно. Однако один прием выполняете плохо. А прием важный. Без него на фронте пропадешь. Ты перебежал и лег. А немец видит, куда ты упал, и бьет по этому месту. Ты лег за куст – бьет по кусту. За кочку – лупит по кочке. И попадает наверняка. Поэтому, как упал – сразу отползи. Хоть вправо, хоть влево, но отползи метра на три.

Виктор вскочил и сделал на поляне несколько перебежек. Возвратился к костру, отряхивая с шинели снег.

– Видели? Теперь сами. Командиры отделений, пропускайте по одному. Остальные смотрят и поправляют.

Занятия пошли веселей. На глазах у всего взвода люди старались. Особенно молодые ребята. Расшалились, толкали друг друга. Виктор не мешал им: в казарме не часто приходилось смеяться.

Вскоре командир отделения принес ведро картошки и кулек крупной грязной соли. Виктор попросил у Треножкина разрешения сделать перерыв. Принялись печь картошку в золе. У некоторых бойцов были сухари и хлеб: разделили на всех – по маленькому кусочку. Виктор думал, хватит ли у младшего лейтенанта такта, чтобы взять свою порцию, не обидеть людей? Треножкин чуть поколебался, но взял четверть сухаря и две картошки.

– Товарищ командыр, – робко обратился к Дьяконскому круглолицый красноармеец-татарин в большой шапке. – Товарищ командыр, немца плен брал?

– Приходилось.

– Больно страшно?

– Все страшно, – Виктор обвел взглядом притихших бойцов. – Только ведь страх преодолеть можно. И не забывай, что немец тоже смерти боится.

– А какие они, немцы-то? – спросили сзади. – Здоровые?

– Всекие есть: и молодые, и старые, и помельче, и покрупней. Но обучены хорошо, – прищурился Виктор. – У них солдат как упал при перебежке, так сразу в сторону отползет. На мушку его взять нелегко.

– Помкомвзвод в одну точку бьет! – засмеялся кто-то.

В казарму возвращались затемно. Взвод шел хорошо, бодро, не сбиваясь с ноги. Младший лейтенант, приотстав, сказал Виктору:

– Легко у вас это. А у меня не получается так...

– Я же и сам недавно рядовым был. Думаю, мы сработаемся и все пойдет нормально.

– Конечно, конечно! – воскликнул Треножкин. – Обязательно сработаемся! У меня сегодня даже какая-то уверенность появилась.

– Будем считать, что нам повезло. И вам, и мне, – усмехнулся Дьяконский.

* * *

Снимая телефонную трубку, Прохор Севастьянович не

надеялся, что ему ответят. Был слух, что Ватутин сейчас на Северо-Западном фронте. Жена с детьми, наверно, в эвакуации. Но как не воспользоваться возможностью, не позвонить на всякий случай. Ватутин – старший товарищ, и не столько по возрасту, сколько по опыту, по занимаемой должности. По военным способностям, что ли. Терпеливый и спокойный наставник для тех, кто служил под его руководством. Он был единственным крупным военачальником, с которым Порошин мог потолковать доверительно, дружески.

Ушам не поверил, узнав знакомый женский голос. Воскликнул:

– Татьяна Романовна, вы?! Здравствуйте.

– Кто говорит? Неужели...

– Да, Порошин! С фронта, проездом. А Николай Федорович где?

И уже по тому, что женщина отозвалась не сразу, понял: здесь Ватутин! Это была просто фантастическая удача. Заместителя начальника Генерального штаба генерала Ватутина даже в мирное время застать дома было почти невозможно.

– Прохор Севастьянович, каким ветром? – Николай Федорович, как всегда, говорил ровным, чуть глуховатым голосом. – Прямо оттуда? Любопытно... Как увидеться? – Ватутин помолчал, прикидывая. – Давайте сейчас ко мне на квартиру. Да, на Большой Ржевский. Высылаю шофера.

Не прошло и часа, как за окном, у подъезда, просигналила

машина. Молодой капитан, вероятно, адъютант, распахнул перед Порошиным дверцу.

Совсем недавно, на фронте, среди однообразных заснеженных полей и лесов, по которым медленно продвигалась на запад поредевшая в боях стрелковая бригада, Порошин не раз испытывал острое желание проехать среди дня по знакомым улицам столицы, посмотреть на монументальные здания, полюбоваться Большим театром. В изменчивых буднях войны очень хотелось ощутить незыблемость, силу белокаменной, древней и вечной. А сейчас любуйся, казалось бы, улицами и домами через окно легковушки. Но Порошин поймал себя на том, что почти не смотрит по сторонам, лишь машинально отмечает повороты: мысли его заняты были другим.

Ясно: наше зимнее наступление завершилось. А что дальше? Об этом, вероятно, думали все: и рядовые бойцы, и военачальники, и мирные жители. Какие перспективы? Чего ждать? К чему готовиться? Ватутин, конечно, знает больше многих других. Если напрямик не скажет, не имея такого права, то хоть намекнет, даст понять. Или поделится собственными соображениями.

Прохор Севастьянович не считал себя завистливым человеком. Кому что отпущено, у того то и есть. Как ни старайся, а выше своего предела не прыгнешь. Вот они с Ватутиным — одной крестьянской закваски, Но у Николая Федоровича было много такого, чего не хватало Порошину. Ватутину служ-

ба давалась легко, вроде бы без всякого напряжения, и при этом он всегда был среди первых. Две академии – с отличием. В Генштабе он один из молодых, а к нему шли за советом. Обладал Николай Федорович редкой способностью видеть не только частности, детали, но словно бы подниматься над событиями, явлениями, разом охватывая их во всей сложности, в многообразии, в движении. И делал выводы, вносил обоснованные предложения, где все было учтено и продумано. Вот этого: широты мышления, способности заглянуть вперед – как раз и не хватало Прохору Севастьяновичу Порошину. На поле боя он чувствовал себя уверенно. Как бы ни сложились обстоятельства, найдет выход из положения, постарается навязать противнику свою волю. Прошлого мог проанализировать и сделать выводы. А вот помозговать о завтрашнем дне – это давалось с трудом. Возникали сомнения, боязнь ошибиться. А колебания для военного человека – хуже всего.

Вслед за адъютантом Прохор Севастьянович поднялся по лестнице. Ватутин сам открыл дверь. Одет по-домашнему. Старенький китель застегнут на две нижние пуговицы. Даже в парадной форме не имел он важной генеральской осанки, а уж сейчас тем более. Стиснул руку Порошину:

– Поздравляю, Прохор Севастьянович, от души поздравляю.

– С чем?

– С генеральским званием. Нашего полку прибыло.

– Спасибо. Еще как-то не обвыкся.

– Ничего, притерпитесь, – весело блеснул узкими подпухшими глазами Ватутин. – Таня, встречай гостя, – позвал он жену. Она появилась из кухни, улыбнулась скупой (другого и такой улыбкой не одарила бы по своей строгости, но тут – давний друг семьи), предложила:

– К столу. У меня все готово.

Татьяна Романовна, сдержанная, стеснительная, с трудом привыкавшая после сельской глубинки к столице, своей серьезностью, основательностью была под стать мужу. Держала семью, крепкую, дружную. Ватутин говаривал: за тыл я не беспокоюсь, дом у меня прочный. Это помогало ему целиком сосредоточиваться на службе. Росли у них хорошие веселые дети – Витя и Лена. Для отца – гордость и радость. Но о детях Порошин почел за лучшее сейчас не заговаривать. Большая неприятность случилась.

Простыл сынишка-то их, заболел. Сначала особого внимания не обратили. А Вите становилось все хуже. Так ему стало скверно, что с постели не мог подниматься. Сейчас Витя учится в лесной школе. Начал ходить без костылей.

Татьяна Романовна, и прежде не очень стремившаяся на люди, стала совсем домоседкой. И Николай Федорович казнил себя: недоглядел, мало внимания уделял сыну.

За стол сели втроем, но Татьяна Романовна то и дело уходила на кухню. Дочка Лена еще не вернулась из школы. Ели лапшу с грибами, домашнее блюдо Ватутиных. В те редкие

дни, когда муж обедал дома, Татьяна Романовна обязательно готовила лапшу: по-своему, по-воронежски, очень вкусно. А Прохору Севастьяновичу после казенного харча лапша вообще показалась чудом. И чай тоже был хорош: не только крепкий, но и душистый.

Николай Федорович, не ахти какой любитель говорить сам, подробно расспрашивал Порошина о боях под Малоярославцем, на Варшавском шоссе. Сложная была там обстановка. В середине зимы через шоссе прорвались и вышли на подступы к Вязме 33-я армия генерала Ефремова и группа войск генерала Белова. Они освободили территорию размером примерно с Бельгию. Но немцы замкнули за их спиной фронт, создали полосу всего-то километров десяти шириной, протянувшуюся вдоль Варшавского шоссе. Однако пробить эту полосу, соединиться с ушедшими вперед войсками наша ослабевшая пехота не смогла. Дивизии Ефремова погибали там. Белов держался прочно, расширяя освобожденный район.

Прохор Севастьянович объяснял, будто оправдывался:

– У немцев шоссе вроде бы траншея в снегу. Расчищали все время. Справа и слева образовались ледяные валы. В них – огневые точки. Не подступишься.

– Перехватить бы эту ниточку в двух-трех местах, поставить надежные противотанковые заслоны, и рухнула бы вся немецкая оборона от Зайцевой горы до Юхнова, от Вязмы до Ржева. Действительно, ниточка, коридор. А дальше – Бе-

лов, дальше наша территория до самого Днепра, почти до Смоленска. Нет, не дожали мы там, не дожали, – качнул головой Ватутин.

– Нечем было дожимать, Николай Федорович. Ни танков, ни боеприпасов.

– Все следовало туда бросить. Из тыла подтянуть, с Волги. Три-четыре дивизии там требовались, и рухнул бы у фашистов фронт в самом центре. Такие благоприятные условия...

– Немцы в Орле. Могли бы ударить с юга.

– Не до ударов им, силенки не те! – возразил Ватутин. – Пока у нас инициатива, пока враг не закрепился, надо было идти и идти. Сам его величество случай всегда на стороне наступающих. Помните, как Гудериан действовал во Франции? Вперед до последней капли бензина – все чего он требовал от своих войск. А на нашем фронте – наступать до последнего танка! Я вот пытаюсь обмозговать ход войны за полгода, и любопытная вырисовывается картина. Что такое танковая армия Гудериана в масштабе гитлеровского вермахта? Одно из многих объединений. А ведь оно решающую роль сыграло в летне-осенней кампании. Причем на главном направлении. От границы до Минска Гудериан шел первым. От Минска до Ельни – опять он. Затем бросок на Киев, замкнул там кольцо окружения. Оттуда снова рывок на Орел, на Тулу. Воистину до последнего танка. С полной отдачей, без компромиссов, без осторожничанья...

Слушая Ватутина, увлекшегося своими рассуждениями,

Порошин вспомнил: некоторые товарищи в Генеральном штабе с оттенком иронии называли Николая Федоровича генералом-романтиком. Определенный смысл в этом был. Обидно только слышать такие слова от тех, кто дальше своего носа видеть ничего не мог. Они просто не понимали Ватутина. Или завидовали ему... Послушали бы они сейчас, как он немецкого полководца в пример ставит... Впрочем, нет, не в пример: рациональное зерно в его действиях ищет.

Воспользовавшись паузой, Порошин сказал:

– Но это ведь огульное наступление, Николай Федорович. Типичный образчик огульного наступления, давно уже осужденного товарищем Сталиным.

Ватутин вскинул на собеседника светлые, возбужденно блестящие глаза. Усмехнулся понимающе. Блеск померк. Голос зазвучал тише:

– Гудериан привел немецкие войска к Москве. Прежде всего он, а уж потом остальные. И это нисколько не противоречит словам товарища Сталина об огульном наступлении, которое обязательно оканчивается неудачей. И правильно: не взял немец Москву. Отброшен немец. Но оплошности Гудериана я в этом не вижу. Он сделал свое, он наступал. А о том, чтобы закрепить успехи, наладить снабжение войск, подготовить резервы – об этом должно было заботиться командование группы армий. Или сам Гитлер. Иначе фронтовому генералу с такими заботами не останется времени для ведения боевых действий.

– Но Гитлер-то снял его...

– А кого же было фюреру снимать за неудачи? Не самого же себя?! – засмеялся Ватутин.

Самый подходящий момент был спросить о главном.

– Николай Федорович, это прошлое. А впереди что?

– Не знаю, – ответил Ватутин. По его тону Порошин понял, что Николай Федорович действительно находится в неведении и что признаваться в этом ему неприятно. – У меня сейчас другая работа.

– А ваше личное мнение?

– Какое у меня мнение? – пожал плечами Николай Федорович. – Наступательный порыв исчерпан. Инициатива утрачена. Остановились, значит, надо стоять. Зарыться в землю, возвести три, четыре, пять оборонительных линий, как время и средства позволят. И стоять. Перемалывать резервы противника, когда он начнет летние операции.

– А он начнет?

– Обязательно. Отсиживаться в обороне фашисты не могут. Война потеряет для них всякий смысл.

– Но есть, вероятно, и другие соображения? – осторожно спросил Порошин.

– Есть. Не чисто военные, но есть. Некоторые товарищи настаивают возобновить наступление, освободить Харьков, хотя бы часть Украины. Политические цели, важные экономические районы. Эти товарищи просто не понимают: если мы не смогли теперь продолжить наступление, исполь-

зую инерцию и психологический фактор, то для начала новой операции понадобится сил во много раз больше. — И, заканчивая эту тему, Ватутин предложил: — Давайте, Прохор Севастьянович, еще по стакану горячего. Хотите спорьте, хотите нет, а лучше моей жены никто готовить не умеет. Даже чай у нее особый. Двадцать лет живем, и все радуюсь.

— А ты за двадцать-то лет сколько дома был? — спросила Татьяна Романовна, появляясь из кухни. — Сколько дней мы вместе-то провели? — ласково упрекнула она, остановившись за его спиной, опустив на плечи мужа руки. И такая нежность прозвучала в ее словах, что Порошину на мгновение стало жаль себя — бобыля.

* * *

ПИСЬМО НАСТИ КОНОПЛЕВОЙ НЕЛЕ ЕРМАКОВОЙ

«Едем к фронту. Все спят, отсыпаются в запас. Когда раненых примем, некогда будет. Я еще не научилась вперед спать. Сажу у окна и смотрю. То дождик моросит, то солнышко вдруг выглянет. Насыпь черная, мокрая. Лужи блещут. Зима в лес убежала, в чаще белеет кое-где снег.

Сейчас у нас рейсы короткие, но все равно можно смотреть разные города. Потом, говорят, поедем до самого Урала.

Теперь я привыкла, а после первого рейса чуть не сбежала, хотела опять в медсанбат проситься. Прибыли мы ночью на маленькую станцию, сразу началась погрузка. Начальник

торопит, чтобы до утра успеть: фронт близко. Потом главный врач меня вызвал, велел взять противостолбнячную сыворотку, побольше бинтов и идти в предпоследний вагон.

Пошла я, и что ты думаешь? К нашему поезду прицепили три теплушки с ранеными немцами. Я так и обомлела. Лежат они на нарах страшные, черные, обросшие. Закутались в какое-то рваньё. Вонь такая, что чуть не стошнило. А они меня увидели и сразу перестали стонать и кричать. Смотрят на меня дикими глазами, будто сумасшедшие.

Поезд тронулся, осталась я с ними одна. Вижу, среди них есть почти здоровые мужчины, с легкими ранами. Вот, думаю, как накинута сейчас! Ведь фашисты все равно что звери, у них же никаких моральных устоев.

Ох, до чего жутко было!

Достала шприц для уколов, а руки так и трясутся. Нагнулась над раненым, а он шприц увидел и как дернется, как завопит! И все завопили. Орут по-своему, стонут – а я ничегошеньки не понимаю. Потом догадалась: они решили, что я умерщвлять их пришла. Вот какие балбесы, наслушались пропаганды своей!

Ну, я спрятала шприц, стою возле двери и думаю: на первой же остановке убегу. Пускай сюда мужчин посылают. Но тут один немец показывает на своего соседа и говорит: битте, битте. Я посмотрела – прямо ужас. Вся одежда в спекшейся крови. Смерзлось все, затвердело. Пришлось разрезать одежду. Шинель сняла, потом куртку. В вагоне холод-

ней, чем на улице. Эти дьяволы сидят и ждут – дядя им топить будет. Я как закричала на одного, он сразу печку растапливать взялся.

Раздела раненого до нижней рубашки, а нижнюю никак не снять. У него на спине кожа до ребер содрана, бязь в рану влипла. Я ее по кускам вырезала. Он хрипит, воеет, а я режу. Обработала рану, сделала укол. Он лежит на животе и трясется. Ой, думаю, замерзнет этот завоеватель! Показываю немцам – дайте ему одежду. Те отвертываются, жалеют свои тряпки. Вот какое у них воспитание, понимаешь?!

Я совсем разозлилась, подошла к легкораненым, схватила одного за ворот и сняла шинель. Он чего-то залопотал, я ему прямо кулак под нос! Он даже рот разинул. И еще одну шинель взяла, и одеяло отобрала. Закутала тех, которые мерзли. Ну вот, а уж тут немец печку растопил и показывает: делай, мол, укол.

Провозилась с ними до самого вечера, пока всех обработала. Перевязывала, кормила. И ничего. Только вшей от них набралась, пропади они пропадом!

Второй рейс у нас был спокойным, даже оставались свободные места. Раненых меньше, потому что на дорогах теперь грязь и воевать трудно.

Жду писем.

Настя 17 апреля 42 г.»

* * *

«Настя, здравствуй!

Спасибо, что не забываешь, а то все забыли, даже бабушка молчит. Очень довольна тобой. У нас тоже стало теплее. Когда иду домой, вижу солнце. Жизнь у меня очень одинокая. Один и тот же цех, и одни и те же люди. Вот встретимся, и рассказать нечего будет. Скоро обещают послать в командировку для обмена опытом. Это, наверно, интересно.

Очень скучаю, но не разнюниваюсь. У меня в бригаде одни девчонки, мне разнюниваться нельзя!

Поздравляю тебя с Первомаем и желаю здоровья и счастья.

Нелька 28 апреля 1942 г.»

* * *

Минувшие зимние месяцы были для генерал-полковника Гудериана самыми трудными в его жизни.

Оставшись не у дел, он отсиживался в своей берлинской квартире, никуда не выезжая и никого не принимая. Он и рад был бы увидеть старых знакомых, узнать новости. Но знакомые опасались наносить визиты опальному генералу.

Закутавшись в теплый халат, он часами полулежал в мяг-

ком кресле, порой задремывая. Даже днем в его кабинете было полутемно – он не разрешал раздвигать шторы. Потрескивание дубовых поленьев в камине напоминало далекие выстрелы.

Он велел убрать любимую картину, ту самую, на которой был изображен Наполеон, ведущий своих солдат к победе.

Болело сердце. Маргарита почти не отходила от мужа. Сама накрывала стол, стараясь не волновать Гейнца, тихо сидела с вязаньем в углу кабинета. Изменив многолетней привычке, она спала теперь в одной комнате с ним, спала чутко, вздрагивая от его кашля и стонов. А ему было приятно сознавать, что хоть один верный и преданный человек находится рядом.

Во время французской кампании и в России Гудериан не забывал о себе. Ему хватит средств безбедно дожить до глубокой старости и оставить кое-что сыновьям. Другое удручало его. Находиться почти на вершине славы – и вдруг очутиться в неизвестности! Неужели о нем совсем забыли, неужели фюрер не верит в него, как не верит во многих других генералов, смещенных после неудач на востоке? Нет! Гейнц слишком много сделал для Третьей империи, чтобы его вычеркнули из списков.

Он ждал хоть какого-нибудь благосклонного знака со стороны фюрера. Ждал в Берлине, ждал на курорте, куда почти насильно увезла его Маргарита и откуда он постарался скорее приехать в столицу.

Возвращение к жизни началось солнечным весенним утром. Ему позвонили из рейхсканцелярии. Говорил старший адъютант фюрера полковник Шмундт. Он справился о здоровье, сказал, что с удовольствием, как и раньше, посидел бы с генералом за рюмкой хорошего вина. Гудериан, разумеется, не возражал.

Вот она, первая весточка! Уже то, что Шмундт позвонил по служебному телефону, говорило о многом. Нет, этот хитрец не поедет в гости просто так, по личному расположению.

В этот день в доме были раздернуты все шторы, комнаты наполнились солнцем. Полотер трудился над паркетом в гостиной и кабинете. Гудериан надел парадный мундир со всеми отличиями.

Шмундт чопорно раскланялся с Маргаритой, вручил ей букетик полевых цветов. Перед генералом щелкнул каблук. Рослый, немного неуклюжий, он вел себя так просто, улыбался так искренне, что Гудериану, при всей его подозрительности, хотелось верить: Шмундт от души радуется встрече.

За кофе беседовали о пустяках, о том, какая теплая выдалась весна и что лето снова обещает быть жарким. Потом перешли в кабинет. Разговор начал Шмундт.

– Господин генерал, что вы думаете о дальнейших операциях на востоке? – с оттенком официальности спросил он.

– Я плохо знаю обстановку, – у Гудериана скривились тонкие губы. – Да и вряд ли мое мнение может иметь сейчас ка-

кое-то значение.

– И все-таки вашим мнением интересуются. – Шмундт многозначительно помолчал. – В конце концов, вы всегда были откровенны со мной, и вы знаете, как высоко я ценю ваш ум и ваш опыт.

Гудериан не торопился с ответом. Уши Шмундта – это уши фюрера. И надо ответить так, чтобы не вызвать недовольство Гитлера.

– Мы обязаны наступать, – медленно произнес он. – Нам необходимо наступать летом и добиться решительной победы. Иначе война станет затяжной, силы русских окрепнут, рано или поздно начнут действовать активно англичане и американцы. Старый закон остается в силе – мы должны бить противников поодиночке.

– Да, – сказал Шмундт. – В этом вопросе нет никаких разногласий. Сейчас идут споры о том, где наступать. Фронт слишком велик, и мы не можем позволить себе роскошь рваться вперед на всех направлениях. Сейчас нужно выбрать одно, главное.

– Вы имеете в виду московское?

– У сторонников наступления на Москву есть веские доводы. Столица большевиков по-прежнему остается нашей основной целью.

– Но к каждой цели ведут разные дороги, – возразил генерал, сразу определивший мнение Шмундта. – Русские, безусловно, ожидают удара в этом направлении. Здесь у них со-

средоточены резервы, здесь созданы мощные укрепления.

— Вы правы, — согласился Шмундт. — Фюрер не хочет идти этим путем. Он не произносил слово «Москва» и не желает слышать его. Фюрер рассматривает другие варианты. А между тем, — усмехнулся Шмундт, — подготовка к наступлению на Москву идет уже не первую неделю.

— Я не совсем понимаю...

— Фельдмаршал фон Клюге получил приказание имитировать подготовку к штурму столицы русских. В его штабе разработан план, настоящий план, со всеми подробностями. В нем предусмотрены даже такие детали, как проведение авиаразведки вплоть до рубежа Волги, печатанье листовок и подготовка дорожных указателей. Уже само название плана — «Кремль» — говорит о многом. План размножен в двадцати двух экземплярах, и существует уверенность, что с одним экземпляром ознакомилась русская разведка. Кроме того, соответствующую информацию получили наши союзники, итальянцы и румыны. А вам известно, как умеют они сохранять секреты.

— Хорошо, Шмундт. Если отпадает Москва, остается только юг. Донбасс, хлебные районы, а главное — нефть. Без нефти заглохнут моторы. К тому же на этом направлении идеальные условия для танков. Степь, равнина до Волги и до Кавказа.

— Ну вот, — засмеялся Шмундт. — Наши мысли совпадают. Но окончательное решение еще не принято. Фюрер на-

мерен сначала провести несколько частных операций в Крыму и под Ленинградом, срезать выступы фронта.

— А если русские начнут наступать первыми?

— Фюрер будет рад этому. Пусть противник покинет свои укрепления. Русские очень упорно обороняются. Легче разбить их в поле, при маневренных действиях.

— Я всегда был и остаюсь сторонником этого метода, — кивнул Гудериан. Он чувствовал необыкновенный прилив бодрости. Его не столько интересовала сейчас суть разговора (он обдумает его потом), сколько сам факт. Шмундт не случайно вводит его в курс дела. Фюрер желает, чтобы Гудериан знал все. Фюрер держит его в резерве до поры до времени, может быть, до самого решающего момента. Сейчас руководящие посты в армии захватили противники Гудериана. Но долго ли они удержатся на этих постах?

— Дорогой генерал, фюрер слышал, что вы нездоровы. Он хочет сделать вам небольшой подарок, предоставить государственную дотацию и, прежде всего, имение. Поезжайте к себе на родину, в Западную Пруссию, и подыщите участок по своему вкусу.

Гудериан склонил голову в знак благодарности.

— Знаете, Шмундт, вы всегда приносите мне хорошие вести. Врачи запретили мне пить, но сегодня я нарушу их запрет и с радостью выпью за нашего фюрера. Я старый солдат и не умею выражать свои чувства. Но вам известно, чем я обязан фюреру! И мне хочется, чтобы он знал: всегда, при всех

условиях я служил и буду служить ему. Только ему!

Простившись с полковником, Гудериан долго шагал по кабинету. Его мозг, дремавший несколько месяцев, работал сейчас с молниеносной быстротой. Возникали идеи, планы, и не последнее место среди них занимали мысли о том, как расправиться со своими противниками, особенно с фон Клюге. Да, колесо вертится! – повторял он свою любимую поговорку.

Маргарита, долго не решавшаяся войти к нему, застала его склонившимся над картой. Он не имел привычки говорить с женой о служебных делах, и поэтому она была удивлена, когда Гудериан, повернувшись к ней, произнес негромко:

– Я понял, чего хочет Шмундт. И я сказал ему то, что он хотел услышать. – Рука генерала легла на карту, почти закрыв пространство между Азовским и Каспийским морями. – Но я вовсе не убежден, что это правильно. Главное – Москва. И пусть ее не трогают без меня!

* * *

Произошло событие, редкостное в военной истории. Советские войска скрытно сосредоточивались в Изюм-Барвенковском выступе, чтобы начать отсюда наступление на Харьков. И в то же время немцы, не знавшие об этих планах, именно в район Изюм-Барвенково подтягивали десятки дивизий, намереваясь срезать выступ, а потом развернуть лет-

нее наступление на восток и юго-восток. Два могучих кулака сжимались по обе стороны фронта. Немецкий кулак, занесенный для решающего стратегического удара, оказался сильнее.

Красная Армия не имела ни количественного, ни технического превосходства над противником. Немцы господствовали в воздухе. Однако Верховный Главнокомандующий все еще находился под впечатлением зимних побед. Он верил обещанию союзников открыть второй фронт. Да и как было не верить, если превосходно оснащенные войска США и Англии насчитывали к этому времени более шести миллионов человек!..

Наступление на Харьков, еще не начавшись, попало под угрозу срыва. В этой операции, наряду с другими, должна была принимать участие новая 48-я армия, сформированная под Касторной. Командующий армией генерал Самохин вылетел туда из Москвы, имея при себе оперативную директиву. Вылетел... и пропал. Напрасно ожидали его и день, и второй, и третий. Поиски Самохина не дали никаких результатов.

Через некоторое время радисты перехватили немецкую радиограмму, из которой стало понятно, что неопытный пилот потерял ориентировку и приземлился на оккупированной территории, возле Мценска. Генерал Самохин попал в плен. Важнейший документ оказался у гитлеровцев.

Откладывать наступление было поздно, подготовка к

нему зашла уже слишком далеко. Ставка изменила сроки, изменила направление ударов, перебросила в другой район 48-ю армию. Но это были частности. Немцы узнали главное место и цель наступления, от исхода которого зависело развитие дальнейших событий на южном крыле советско-германского фронта.

* * *

17 мая Виктор читал в газете набранное черным жирным шрифтом сообщение «В последний час». Читал с волнением. Наши войска, развивая наступление, продвинулись вперед на 20—60 километров, вышли к городу Мерефе южнее Харькова. Бои развернулись в тех местах, где ранило Виктора осенью. Теперь шагают там другие ребята, прыгают через заплывшие окопы, видят разбитые танки, машины.

Он радовался успеху не зная, что в то самое утро, когда газеты печатали сводку, немецкая ударная группа двинулась с юга вдоль Северского Донца, срезая Изюм-Барвенковский выступ, отсекая от тылов наступающие советские армии. Они еще рвались к Харькову, а немцы уже стягивали за их спиной мертвую петлю окружения.

Через двое суток Виктора поднял среди ночи старшина Вышкварцев.

– Что? Тревога будет? – спросил Дьяконский.

– Хуже, приятель. Или лучше. Отправляемся сейчас. Ко-

мандиры уже на ногах. Иди в каптерку, шмутки разложим. А то такая спешка начнется, что не успеем.

У Виктора сразу пропал сон. Все! Конец муштровке, конец надоевшей баланде и каше-шрапнели! На фронте и трудней, и опасней, но там у тебя дело в руках, там себя человеком чувствуешь!

Из канцелярии появился младший лейтенант Треножкин. Лицо помятое, глаза навывкате, взгляд испуганный. Кинулся к старшему сержанту.

– Дьяконский, слышали?

– Да, комвзвод. Иду старшине помогать.

– Говорят, эшелон уже на станции!

– Вероятно... Может, нам сержантов поднять, чтобы собирались?

– Это вы сами... Мне бы домой забежать. Мама одна ведь...

– Не успеете... Сухой паек на взвод я получу. Его лучше здесь на руки выдать, чтобы с собой не таскать.

– Как хотите, – вздохнул Треножкин. – Я все-таки умыться схожу.

«Почему все-таки? – весело подумал Виктор. – Раз на фронт, то и умыться не надо?.. Ну, не ехидничай! – оборвал он себя. – Человек первый раз из родного города едет. И не на пикник...»

– Скорей, – поторопил его Вышкварцев, высунувшийся из каптерки.

Через час роты выстроились на плацу. Пасмурная ночь была теплой и влажной. Из темноты донесся тягучий голос командира батальона:

– Р-р-равняйся! Смирна-а-а! Напра-во!

Недружно стукнули сотни каблуков.

– А-а-атставить, – пропел комбат. – Пла-а-хой поворот!

– Ну и шакал! Даже напоследок кусает, – шепнул Вышкварцев, и в голосе его Виктор уловил нотку восхищения.

– Напра-а-во!

Голова колонны темной слитной массой поплыла к открытым воротам. Виктор оглянулся. Без малейшего сожаления расставался он с этим унылым барачным городком. И только одно тревожило его. Перед майскими праздниками рассказал он всю свою подноготную парторгу. Потом дважды вызывали его в политотдел, пришлось писать объяснительную записку. И, наверно, все понапрасну. Уйдет он на передовую, а дело его положат в архив. Ну что же, ничего теперь не изменишь.

На товарной станции люди разместились в теплушках, пропахших конским навозом. На соседнем пути грузились артиллеристы. Подбадривая себя криками, закатывали на платформы пушки. Сперва бойцы сидели в вагонах. Но когда узнали, что еще нет паровоза и отправка задерживается, многие вылезли: кто справить нужду, кто поискать кипяточку. Самые проворные тащили уголь и доски. Из труб над вагонами полетели искры, запахло дымком.

Взвод Треножкина был выделен в распоряжение коменданта эшелона. Построились у водоразборной колонки. Пошел капитан в щеголеватой фуражке, в сверкающих сапогах и грязной шинели со следами угля и мазута. Одно отделение он послал в первый вагон на усиление ремонтной бригады, несколько человек – к зениткам. Назначил патрули. Посмотрел на Треножкина, на его тонкую шею, нелепо торчавшую из широкого воротника шинели, буркнул что-то и повернулся к Дьяконскому.

– Старший сержант, бери двух человек, ручной пулемет и за мной!

Повел к паровозу, на ходу инструктируя:

– Пулеметчиков сажай в тендер. Если самолеты – сразу огонь. Сам – к машинисту. За паровозную бригаду отвечаешь, понял? К фронту подъедем – гляди в оба, чтобы не сбежали.

– Случается?

– Всякое бывает. Ну, я у ремонтников.

Дьяконский поднялся в паровозную будку, поздоровался. Кочегар даже не обернулся. Сутулый пожилой машинист кивнул, недружелюбно посмотрел из-под козырька черной фуражки. Выплюнул шелуху семечек, спросил глухо:

– Цербер?

– Что? – не понял Виктор.

– Стеречь пришел?

– Помогать послали, – дипломатично ответил Дьякон-

ский. – Вдруг авиация. А у нас пулемет в тендере.

– Ладно брехать, солдат, дело известное.

– Раз известное, зачем спрашиваете?

– Ждал, что скажешь, – ухмыльнулся машинист. – Ты сам в штаны не наложи, надзиратель. Был у нас тут один такой...

Сказал и снова начал кидать в рот семечки, не обращая на сержанта никакого внимания. «Веселенькая компания! – подумал Виктор. – Ладно, на молчу еще с ними. Прогуляюсь пока».

Спрыгнул с подножки, перекинул на грудь автомат. Было уже светло. Над ребристыми крышами пакгаузов тащились рыхлые тучи. На деревянном перроне, потемневшем от сырости, строились заспанные музыканты.

Из города невесть как пробрались на товарную станцию десятка три женщин с кошелками и узелками. Командир батальона, шагавший вдоль вагонов, мрачно поглядывал на них, но гнать не решался.

Возле колонки увидел Виктор младшего лейтенанта Треножкина. Он стоял рядом с пожилой худенькой женщиной в синем пальто. Из-под старенькой фетровой шляпы выбились волосы. Серый каракулевый воротник потерт и очень мал – сшит, наверное, из остатков. Лицо у нее было такое же матово-бледное, как и у младшего лейтенанта, но чистое и красивое. Женщина гладила Треножкина по щеке, умоляла его: – Не плачь, Илюшенька... Не надо, родненький, не надо... Эта женщина напомнила Виктору мать и прощание с ней

год назад. Он тогда уходил на железнодорожную станцию, мама провожала его за город. У них, правда, не было таких нежностей. Виктор считал себя взрослым, стыдился материнской ласки. Мама понимала это и тоже сдерживалась. Он поцеловал ее в щеку и сказал: «Ну, улыбнись... Все будет хорошо!» И ушел, не оглядываясь, хотя чувствовал на себе ее взгляд... Случись это теперь, он оглянулся бы. И не один, а сто раз. Сказал бы ей все самые хорошие слова, которые хранил в душе. Тогда еще не понимал, что каждое расставание может стать последним...

Он прошел мимо Треножкиных. Младший лейтенант плакал. А у матери сухие глаза. Она говорила, говорила что-то: только бы не молчать! Слезы будут потом, в опустевшем доме... Нет, куда лучше уезжать без провожатых, без этих переживаний.

Из вагона ловко выпрыгнул старшина Вышкварцев. Статный, в ушитой по фигуре шинели, остановился возле Треножкиных. Поздоровался с женщиной, обнял лейтенанта за узкие плечи.

– Присмотрим, будьте уверены! Я вот уже третий раз еду! Лязгнули буфера. Металлический перестук пробежал от головы к концу эшелона.

– По вагонам! – раздалась команда.

Чей-то высокий надрывный крик резанул слух. На перроне лежала женщина, билась головой о доски. Над ней растерянно склонился боец с зажатой в руке пестрой косынкой.

Духовой оркестр грянул егерский марш.

Виктор побежал к паровозу. Из окошка хмуро смотрел машинист. Выплюнул шелуху, скрылся в будке. Под колесами что-то зашипело. Паровоз выпустил струю пара и тронулся с места.

Дьяконский вскочил на подножку. По перрону бежал отставший красноармеец. Из открытых дверей махали пилотками. Громко играл оркестр, заглушая крики и плач женщин.

* * *

Ехали без задержек. Останавливались только затем, чтобы набрать воды в паровоз, да вечером на какой-то станции получили обед: по котелку супа на брата и две банки американской тушенки на отделение.

В вагонах ребятам было неплохо, а тут, в тендере, — мокрый уголь, холод. Чтобы не перемазаться, постелили брезент. Пожилой пулеметчик умудрился заснуть. Второй боец, наголо обритый татарин, с любопытством смотрел вокруг.

Чем дальше на запад, тем явственнее чувствовалось приближение фронта. Вдоль полотна виднелись воронки: и старые, наполненные водой, и свежие, похожие на черные язвы. На станциях чаще попадались разбитые здания.

Рано утром татарин ткнул грязным пальцем куда-то выше паровозной трубы.

– Товарищ старший сержант! Посмотрите!

В лучах восходящего солнца поблескивали серебристые игрушечные самолетики. Татарин испуганно прикрыл ладонью рот. Виктор расстегнул верхний крючок шинели: стало вдруг жарко. «Что это я? Боюсь? К черту!» – выругался он и кинулся в паровозную будку. Машинист, зевая, скользнул по нему равнодушным взглядом и ловко бросил в рот порцию семечек.

Виктор сказал вроде бы между прочим:

– Два «мессера» идут справа.

Машинист вздрогнул, высунулся в окно и сразу качнулся назад. Оттолкнув помощника, схватился за рукоятку гудка. Паровоз заревел громко, испуганно и с каким-то отчаянием, как показалось Виктору. Этот сигнал разбудил бойцов, бросил к пушкам зенитчиков на платформах.

Дьяконский следил за самолетами. Они были уже не серебряными, а темными. Сверкали диски пропеллеров. «Мессеры» легли на боевой курс почти под прямым углом к эшелону.

– Жми! – закричал Виктор. – Полный давай!

Машинист с силой двинул регулятор, паровоз рванулся вперед, всхрапывая и задыхаясь. Самолеты чуть приотстали. От них оторвались черные капли.

Вой ветра, шипенье и скрежет паровоза заглушили звуки разрывов. Бомбы легли где-то за последним вагоном.

– Порядок! – крикнул Дьяконский.

Машинист кивнул, вытер фуражкой лицо.

Описывая полукруг, самолеты разворачивались для новой атаки. Теперь они шли с упреждением, целя на паровоз. Виктор по пояс высунулся из будки. Только бы не ошибиться, выбрать момент, когда летчикам поздно будет сворачивать с курса. «Раз, два, три!» – считал он секунды. Откинувшись в будку, скомандовал: «Тормоз!».

Резкий толчок бросил Виктора вперед. В будку стегануло горячим воздухом. Паровоз медленно вползал в черное облако вонючего дыма. Стали слышны хлопки зенитных орудий.

– Путь смотри! Путь! – кричал машинист.

Утих рев самолетов, прекратилась стрельба. В топке ровно гудело пламя. Позади остались воронки. Змеились и блестели под солнцем набегавшие рельсы. Машинист дружески подтолкнул Дьяконского.

– Ну, вояка, не помер?

– Не успел, – сказал Виктор и полез в тендер.

Во время боя он не слышал своего пулемета. Ну, так и есть – не стреляли! Пулемет лежал на брезенте, пустых гильз не видно.

– Что ж вы, товарищи?

Татарин покраснел и улыбнулся смущенно. Пожилой красноармеец развел руками:

– Куда там, фыр-пыр, и нету. Разве уцелишь?

– Целиться вас учили, – жестко произнес Дьяконский,

прищуриив глаза. – Оружие дают, чтобы стрелять. Еще такой случай – отберу пулемет.

Километров через десять впереди показались постройки. Проплыл мимо семафор. Под колесами раздваивались, разбегались рельсы. Поезд замедлил ход. Станцию, судя по всему, недавно и очень сильно бомбили. Еще дымились груды кирпича на месте вокзала. У водокачки и на путях копошились рабочие.

Комендант эшелона убежал куда-то наводить справки. Пригревало солнце. За теплушками сидели орлами десятки бойцов.

К Виктору подошел бодрый, улыбающийся Вышкварцев.

– Эй, приятель, как спал-ночевал?

– Перина-то у меня из угля была.

– Привыкай, земля мягче покажется... А на фронте – чувствуешь? Горячо на фронте!

– Радио слушал? – встрепнулся Виктор.

– Вот оно – радио! – показал вокруг старшина. – Это уж дело верное, приятель. Они если свирепствуют, то сразу и на земле, и в небе... Товарищ капитан, скоро едем? – обратился он к появившемуся коменданту. Тот махнул рукой.

– Снимайте пулемет с паровоза. Выходные стрелки разбиты.

– Выгружаться? – посерьезнел старшина. – Ну, я к своим!

«Правильно, – подумал Виктор. – Эшелон не спрячешь, все равно заклюют немцы. Пешком хоть и дольше, зато на-

дежней».

Возле паровоза он с удовольствием напился холодной воды, обтер лицо мокрым носовым платком.

– Сержант, семечек возьми, – предложил машинист.

– Не жалко для цербера-то?

– Ишь, памятливым! А мне разве не обидно?

– Понятно, можешь не объяснять, – сказал Виктор. – Беру полный карман.

– Ну-ну, ты не шибко! – крикнул из будки кочегар. – Знаю я ваши карманы солдатские!

Из вагонов вытаскивали мешки с продовольствием и ящики боеприпасов. За разбитой платформой повзводно выстраивались бойцы.

* * *

Рассвет 8 мая застал Горбушина в порту. Было прохладно. Первые солнечные лучи, коснувшись вершины Митридата, осветили ее, как прожектором, поползли вниз по уступам, спокойно легли на заблестевшую воду.

С моря только что подошли две барки в сопровождении катеров. На одной барке доставили несколько танков, и теперь Матвей ломал голову, как лучше их выгрузить. На причале собралось человек десять: и портовики, и командиры судов. Пришел и старый знакомый Горбушина – пожилой лейтенант в мешковатом кителе. Его сторожевой катер сто-

ял рядом с баржей. Пока прикидывали, что да как, на рейде раздался пронзительный гудок, в городе завывли сирены.

«Летят! Летят!» – закричали на судах и в порту.

Самолеты появились с запада, из-за гряды холмов, шли двумя ярусами, внизу медленно ползли бомбардировщики, а над ними описывали большие круги истребители прикрытия. За все время в Керчи Матвей видел три немецких самолета, а тут сразу столько!

Возле вокзала и где-то в районе Аджимушкая ухнули первые взрывы. Зенитки пятнали небо ватными клочьями. Оставляя за собой черный хвост, прочертил светлую голубизну падающий самолет.

На причале прекратилась работа, люди прятались в щелях и воронках. Матвей побежал за лейтенантом, прыгнул на палубу катера. Сделал это инстинктивно: на берегу чувствовал себя беспомощно, а едва суденышко отошло от причала, возвратилась уверенность. Бухта большая, катер юркий, можно маневрировать! Все было привычным: и плеск воды, и позвякивание машинного телеграфа, и резкие команды. Даже бомбардировщики, плотной стаей нависшие над городом, уже не казались такими страшными.

– Ну, Бог не выдаст, – сказал лейтенант, поправляя выгоревшую фуражку. – В крайнем случае в море уйдем!.. Зенитчики, не зевать! – крикнул он.

Немецкие самолеты обрушили на город свой груз. Берег затянула темная пелена, расцвеченная кое-где белыми про-

жилками. Оттуда, из этой пелены, слышались частые удары: поверх нее проплывали, поблескивая на солнце, спокойные неторопливые самолеты.

Минут через двадцать разрывы прекратились, затих в отдалении гул моторов. Катер вернулся в порт. Матвей не увидел ни причала, ни баржи с танками. Только разбитая капитанская рубка торчала над водой. Мелкие волны лизали верхнюю часть танковой башни, похожую на панцирь черепахи. Плавали щепки, доски, какие-то обгорелые тряпки:

Телефонная связь со штабом военно-морской базы была прервана. И хотя Матвею не хотелось спускаться на изрытый воронками берег, он все же решил идти в штаб, доложить о случившемся.

С моря казалось, что после такой бомбежки в городе не останется ничего живого. Матвею попадались разбитые грузовики, увидел он и несколько трупов, но, в общем-то, потерь было немного: люди скрывались в пещерах и глубоких щелях.

Матвей подумал, что в штабе спросят с него за потопленную баржу с тремя танками, но о них никто не вспомнил. Начальник отдела поинтересовался, целы ли катера, приказал рассредоточить их по бухте. Потом отвел Горбушина к окну и, придерживая за локоть, предупредил доверительно:

– Немцы начали большое наступление. О подробностях нас пока не информировали...

В городе снова завывли сирены. В отдалении захлопали зе-

нитки. Начальник умолк, потом заговорил торопливо:

– Отправляйтесь вместе с Квасниковым в штаб фронта, оттуда требовали прислать представителя. И вот что. Постарайтесь держать нас в курсе событий. Мы должны знать, что нужно штабу сейчас и что потребуется завтра.

– Есть, – ответил старший лейтенант. – Будет сделано.

На Керчь шла новая волна самолетов. Едва успел Матвей добежать до пещеры, опять началась бомбежка.

Очень хотелось Горбушину увидеть Максимилиана Авдевича, поделиться новостями и услышать мнение всеведущего интенданта. Но Квасников довольно равнодушно посоветовал ему сперва поостыть, а потом побриться и позавтракать.

– К тому времени и бомбежка кончится, и поедем спокойно, – сказал он. – Сколько уж раз так бывало. С утра побомбят, а потом тихо.

– Но ведь наступают они! – напомнил Горбушин.

– Это хуже-с, но это еще не значит, что мы должны ходить голодными и небритыми.

Изредка с востока, с Тамани, появлялись небольшие группы советских истребителей, и тогда бомбардировщики сразу отваливали в сторону, уходили в степь, а в задымленном небе завязывался воздушный бой. Истребители с треском носились по кругу, пикировали, лезли вверх, и невозможно было понять, наши гоняют там немцев или фашисты наших. Бомбежка временно прекращалась. В одну из таких па-

уз Квасников решил ехать.

Шесть «мессеров» и три «лага» схлестнулись прямо над дорогой. Немцы кидались по двое на одного, однако машины у наших ребят были добротные, да и летчики, видно, не из последнего десятка. Получалось штука на штуку. Врезался в холм «мессер», потом задымил «лаг» и, быстро снижаясь, пошел к морю, надеясь дотянуть до Тамани. Вот вспыхнули сразу и наш, и немец, из обоих успели выпрыгнуть летчики.

Последний «лаг» почти вертикально полез в небо, ртутной каплей сверкнул возле солнца и один кинулся оттуда на четверых немцев...

Квасников и Горбушин оставили машину в редком кустарнике, пешком добрались до аджимушкайских каменоломен. У входа в штольню дежурный лейтенант проверил документы. По пологим ступенькам спустились под землю, пошли по длинной штольне с дощатым полом и потолком. Над головой горели электрические лампочки. По бревенчатым стенам тянулись телефонные провода. Воздух тут был прохладный и какой-то застоявшийся, затхлый.

То справа, то слева попадались короткие коридорчики, ведущие в небольшие пещеры, в которых стояли столы, стулья и топчаны. Раздавались голоса, стук пишущих машинок. Здесь работали отделы штаба фронта. В одну из таких пещер привел Горбушина Максимилиан Авдеевич. Он представил старшего лейтенанта полковнику из оперативного управления. Полковник обрадовался, расспросил, сколько имеется

судов, какой груз они могут поднять. Сам показал Горбушину стол, телефон и топчан, велел держать непрерывную связь со штабом военно-морской базы и никуда не отлучаться. Все это встревожило Матвея. Но он рассудил так: о том, что делается на передовой, думают другие. У полковника своя задача, вот он и печется на всякий случай.

Пять суток безвылазно сидел потом Матвей в подземелье и все это время провел будто во сне. Только по часам мог определить смену дня и ночи, терял порой чувство реальности. Он слышал разговоры работников оперативного управления, доклады делегатов связи и знал, что к вечеру 8 мая немцы прорвали фронт в полосе 44-й армии вдоль берега Черного моря. На остальных участках – сильный нажим противника. А командование фронтом не могло исправить обстановку. Все войска, вытянувшиеся в одну линию и приготовившиеся для наступления, в первый же день были втянуты в бой. В резерве фронта оставались только одна стрелковая и одна кавалерийская дивизии.

В штольнях толпились представители штабов армий, авиаторы и танкисты. Они ждали решений, указаний, приказов. Но командование фронта не отдало ни одного существенного распоряжения. Люди не знали, что делать.

Военный Совет Крымского фронта заседал вторые сутки, забыв о войсках, которые отступали с боями и очень нуждались в умелом, решительном руководстве. По каждому вопросу возникали ожесточенные споры. Представитель Став-

ки армейский комиссар 1-го ранга Мехлис не верил в командирские способности генерал-лейтенанта Козлова. Вспыльчивый человек, склонный к интригам, Мехлис видел такие же черты у всех окружающих и не доверял никому. Зато себя он считал талантливым полководцем, стратегом новой формации. Нет таких преград, которые невозможно преодолеть! – вот и вся теория. А практика сводилась к тому, чтобы подтвердить этот тезис, не жалея ни жизней, ни материальных ценностей.

Мехлис предлагал остановить врага резервными дивизиями и начать общее контрнаступление. Козлов доказывал, что это невыполнимо, что надо смотреть реально и выводить войска из-под удара, сдерживая немцев на промежуточных рубежах.

Сорок восемь часов прошли в бесполезных спорах.

Наконец, вынуждена была вмешаться Ставка. 10 мая из Москвы поступил приказ: немедленно отвести войска ближе к Керчи, на Турецкий вал, и организовать на выгодной позиции новую линию обороны. Но и этот приказ не выполнили сразу. Военному Совету потребовались почти сутки споров, чтобы «переварить» новое указание. Когда приказ был передан нижестоящим командирам, выяснилось, что штабы армий потеряли управление, дивизии отходят неорганизованно и практически нет войск, которые способны удержать Турецкий вал. Еще через сутки передовые отряды немцев почти без боя прорвали этот рубеж.

Квасников несколько раз уезжал в район Семи Колодезей взрывать продовольственные склады, возвращался измученный, грязный. Тяжело дыша, валился на топчан, сосал таблетку и жаловался на духоту и пыль, которые вот-вот докажут его.

Началась эвакуация штаба фронта. У входа в штольни на огромном костре жгли бумаги. Штабные работники упаковывали в ящики ценные документы. Горбушин, пока имелась связь с военно-морской базой, сидел возле телефона, уточнял, скоро ли подойдут катера и сейнеры. А когда связь прекратилась, носился на «газике» то в порт, то в рыбачий поселок, откуда намечено было перевозить на Таманский полуостров высший командный состав.

Армейского комиссара 1-го ранга Мехлиса и генерал-лейтенанта Козлова он видел мельком, когда они ночью вышли из штольни, чтобы сесть в машины. Даже тяжелая неудача, за которую были ответственны оба, не сблизила их. Они выходили из подземелья порознь, каждый в сопровождении своих людей. С ними уехал Квасников, знавший дорогу. А Матвей повел в порт колонну грузовиков, на которых ехали оперативники и разведчики.

Ночь была светлой от множеств пожаров, от немецких «люстр», медленно плывших к земле на парашютах. Высоко в небе гудели самолеты, сбрасывали бомбы бесприцельно, для острастки и паники. На западе грохотали пушки, и по напряжению стрельбы можно было понять, что где-то непо-

далеку идет сильный бой. Все дороги были запружены машинами и повозками, а прямо по степи густыми массами шла пехота. Горбушин прикинул мысленно: пока они ехали, видели восемь или десять тысяч красноармейцев и командиров, и почти все с оружием. Вот бы остановить их, положить в цепь. Но никто не руководил бойцами, люди были представлены сами себе, а работники штаба фронта стремились скорее попасть в порт.

На окраине Керчи артиллеристы устанавливали в развалинах пушки. Тарахтели моторами несколько танков, оккупывался небольшой отряд краснофлотцев. Матвей подумал, что немцев, может быть, еще удастся остановить на холмах, на подступах к городу. Это идеальные позиции для обороны. Почти как в Севастополе. А ведь там моряки держат фашистов с прошлого года. И еще он подумал, что, пока не получит приказа, не имеет права покидать этот город.

Катера, выделенные для эвакуации штаба фронта, стояли возле разбитой бомбами причальной стенки. Погрузились быстро. Даже полковники и генералы таскали по узким сходням тяжелые ящики.

Через час катера один за другим отошли от стенки и растаяли в темноте. Бухта опустела. Медленно спустилась сверху одинокая «люстра», с шипением задохнулась в черной воде. Возле догорающего пакгауза остался только Матвей и несколько моряков из штаба базы.

– Вот и осиротели, – тревожно произнес кто-то.

– Катера вернутся вечером, – возразили ему.

– Да в них ли дело...

Матвей пошел к машинам. Надо было снова ехать в каменоломни, забрать оттуда оставшихся людей и имущество.

Следующие двое суток, 14 и 15 мая, словно бы слились для Матвея в один долгий день. Горбушин не ел и не спал, оглох от непрерывного гула и грохота. Дважды его сбивало с ног взрывной волной, несколько раз осыпало землей. Он оступел от жары и бессонницы, голова раскалывалась от боли.

Максимилиан Авдеевич совсем сдал, у него останавливалось сердце. Горбушин отвез интенданта в пещеру на берегу, уложил на кровать и оставил на попечение вестового. А сам целые сутки торчал на причалах рыбацкого поселка. Сюда доставляли раненых из аджимутайских подземных госпиталей. Их грузили на сейнеры и на боты. Многие суда уходили на Большую землю и не возвращались. Пришлось мобилизовать рыбацкие лодки. Матвей сажал на весла двух здоровых бойцов, к ним – пять или шесть раненых. Саперы ломали постройки и связывали плоты.

С утра работали два десятка грузовиков, а к вечеру осталось восемь машин с иссеченными кузовами и помятыми кабинами. Но и они не вернулись из очередного рейса. Стрельба слышалась уже совсем близко. На берег нахлынула вдруг многотысячная толпа красноармейцев. Сотни людей бросались в море, плыли к едва различимой вдали косе Тузла. А не умеющие плавать метались вдоль берега.

Наверху, за поселком, сдерживали немцев спешенные кавалеристы. К морю коноводы вели лошадей. Высокий майор в синих галифе, в сапогах со шпорами, подходил к коням, ласково трепал левой рукой холку, правой стрелял в ухо из пистолета. На красивом горбоносом лице майора блестели слезы. Не скрываясь, плакали коноводы. Мучительно, людскими голосами стонали лошади.

Под обрывом рядами стояли носилки с ранеными. Те, кто мог двигаться, ползком и на четвереньках добирались к воде, кричали, просили взять их. Но подошедший было сейнер даже не пристал к берегу, его еще в море облепили десятки тел.

Бледные от долгого пребывания под землей девушки-медички сидели возле раненых, ожидая своей участи.

Матвей понял, что ему нечего делать здесь. Он хороший пловец, и ему не составит труда добраться до песчаной Тузлы. Но в городе оставался Максимилиан Авдеевич. И было бы просто подлостью не попытаться спасти его.

Горбушин поймал оседланную лошадь, бродившую у воды. В это время от группы девушек отделилась одна, высокая и чернобровая, помогавшая ему днем грузить раненых.

– А мы? – тихо спросила она, и столько укора звучало в ее голосе, что Матвей выпустил повод.

– Раненые при вас...

– С ними мужчины. А нам нельзя! Нельзя! Ведь там – немцы! – закричала она.

– Сколько вас?

– Двенадцать.

Горбушин колебался. Искать плавсредства бесполезно, по берегу бродят тысячи людей. Рискнуть по прямой дороге в город? Там есть надежда попасть на катер или на тральщик.

– Добро, – сказал он. – Пошли!

Они послушно двинулись за старшим лейтенантом. Поднялись по крутому откосу и километров пять шагали по пустынной дороге, огибая воронки и разбитые автомашины. Слева и впереди били пушки, но за последние дни все так привыкли к стрельбе, что никто не обращал на это внимания. Навстречу медленно ехала грузовая машина. Горбушин бросился к ней, выхватив пистолет, рванул дверцу. Шофер затормозил. Голова его была запеленута бинтами, виднелись лишь рот и глаза.

– Куда едешь?

– Не жнаю, – прошамкал водитель. – Вшех побило, меня тоже побило.

– Сажаем девушек – и в город! – распорядился Матвей.

– Мне вше равно, – покорно согласился шофер. – Вше равно конец нам пришел!

– Не ной! Поживем еще!

Водитель находился в состоянии такой апатии, что Матвей решил сесть рядом с ним. Было уже темно, когда они добрались до холмов. Ехали медленно, и, пожалуй, только это спасло их. Шофер вдруг остановил машину и сказал равно-

душно:

– Видишь танки немецкие?

Грузовик стоял на склоне холма, а метрах в ста ниже ползли по ровному полю черные тяжелые машины. Танкисты не заметили грузовик, подъехавший сзади. Немцы изредка стреляли, озаряя степь вспышками. И по танкам тоже стреляли, несколько снарядов разорвалось возле них.

Будь Матвей один, он не рискнул бы еще раз испытать судьбу. Рванул бы к морю, снял баллон и поминай как звали! Но девчонки! Ведь у машины всего шесть баллонов!

– Вправо! – скомандовал он шоферу. – Давай вправо и гони по степи!

– Все равно бесполезно, – сказал шофер и погнал машину по ухабам с такой скоростью, что Матвея мотало в кабине, как на торпедном катере во время шторма. Их обстреливали, освещали ракетами, но шофер не остановился, пока грузовик не ворвался в город и не уперся в какие-то горящие развалины. К машине бросились красноармейцы. Горбушин вылез из кабины покачиваясь. Из кузова выпрыгивали девушки. И когда все были уже на земле, а Матвей помогал выйти шоферу, одна из девушек тихо ойкнула и упала, цепляясь за руки подруг. Ее оттащили за угол, все сыпанули в сторону от освещенного места.

На девушке разорвали гимнастерку, обнажили до пояса. У нее были узкие плечи и острые ключицы. Пуля вошла под лопатку и вышла пониже соска, оставив чуть заметное, почти

не кровоточащее отверстие.

Умерла она сразу. Высокая девушка с треугольниками старшины на петлицах хотела нести ее с собой, но Матвей сказал: «Не нужно». Наскоро углубил лопатой воронку, завернул убитую в плащ-палатку и присыпал землей... Потом он шагал к бухте, пробирался среди развалин, а в руках не пропадало ощущение легкого и гибкого тела, и он почему-то жалел, что не разглядел и не запомнил ее лица. Им овладела тоска, незнакомое ему чувство, которое не испытывал при виде убитых мужчин. Перед глазами стояли хрупкие слабые ключицы и темная ранка на белой коже. Ей, наверно, всего-то лет девятнадцать...

Он повел девушек в порт. Чем ближе к бухте, тем больше людей встречалось им. Некоторые подразделения шли навстречу, к окраине, где гремел бой, но еще больше было мелких групп и одиночек, которые брели от окраин к порту. То в одном, то в другом месте рвались снаряды, но несмотря на это много красноармейцев спало на улицах и на пустырях.

У причалов не было ни одного судна. Матвей понял, что катера, сейнеры и боты не подходят сюда, боясь, что на них хлынет толпа. В дежурке насмерть замученный и охрипший капитан-лейтенант из штаба базы сказал, что штаб базы перебирается на Тамань, что организовать эвакуацию пехоты не удастся, так как немцы на окраине и бухта уже под обстрелом. Плавсредства будут подходить к мысу севернее города и перевозить раненых на Чушку. Там, на мысу большое

скопление людей и машин.

– Везде большое, – ответил Горбушин. – Вы-то сами как? Зимовать здесь останетесь?

– На рейде стоят два тральщика. Возим командный состав шлюпками, с той стороны, от маяка.

– Со мной одиннадцать девушек, – сказал Матвей. – И один раненый.

– Там и без вас много, – покачал головой капитан-лейтенант. – Попробуй, если сумеешь.

Матвей расспросил, куда подходят шлюпки, и повел свою команду. На пути к маяку им встретилось оцепление. Краснофлотцы с автоматами сдерживали натиск толпы, но, увидев старшего лейтенанта, расступились и пропустили тех, кто с ним.

За оцеплением народа было меньше, но когда появилась из темноты шлюпка, навстречу ей бросились в воду десятки людей. Краснофлотцы отталкивали их веслами.

– Полундра! – властно крикнул Горбушин. – Товарищи, выгребайте ко мне!

Шлюпка развернулась в сторону моря и, описав полукруг, приблизилась снова.

– Внимание! Старший здесь я! – скомандовал Матвей. – Всем вернуться на берег! Соблюдать порядок, или шлюпка уйдет обратно!

Это подействовало. Люди вылезли из воды, появилось даже какое-то подобие очереди.

Шестивесельный ял ткнулся носом возле Горбушина. Гребцы сидели, не убирая весел. Из темноты показалась другая шлюпка.

Двумя рейсами Матвей отправил несколько раненых полковников, шофера и всех медичек. Высокая девушка, прощаясь, хотела сказать что-то, но он подтолкнул ее:

– Скорей! Не задерживайте!

– Весла-а-а! – протяжно пропели в шлюпке. – На воду!

Матвей оттолкнул нос яла. А когда шлюпка скрылась, вызвал из оцепления мичмана и поставил его вместо себя наводить порядок.

По изрытой воронками улице шел быстро, срываясь на бег. Эти тральщики – последняя надежда, надо успеть. В свою пещеру ввалился запыхавшийся, мокрый от пота. Остановился, пораженный спокойствием и тишиной, от которых отвык за последние дни. В комнате было светло и уютно. Ярко горела керосиновая лампа. На кровати под белой простыней лежал Максимилиан Авдеевич и читал книгу.

– Немцы в городе! – с порога сказано Матвей.

– Знаю-с, – ответил Квасников. – Между прочим, я много слышал о благородстве моряков, но не думал, что это так глубоко...

– О чем вы! – перебил Горбушин.

– Спасибо, что забежали.

– Я за вами, – сказал Матвей. – Еще есть возможность.

– Нет-с... Я очень благодарен вам, – произнес Квасников,

с трудом садясь на кровати. — Дайте мне вашу руку.

Пожатие у него получилось слабым, пальцы были вялыми и холодными.

— Моя песенка спета, — негромко сказал он. — Жил на пределе, и вот финиш. Доконали жара и нервы. Аневризма-с, ничего не поделаешь! Спасибо за ваш порыв, но я, если и дойду, то только до двери.

— Немцы на окраине, — повторил Горбушин.

— Да-с. Я отпустил шофера, может, он доберется. А у меня есть все: вино, таблетки, жареная рыба, пистолет и две гранаты. Я запру дверь и попробую пострелять.

— Ну, хватит! — Матвей взял со стула брюки и гимнастерку интенданта. — Одевайтесь немедленно, или я поволоку вас в одном белье! В нашем распоряжении час. Уезжайте в свой Куйбышев и хныкайте там под крылышком любимой жены, а мне некогда!

— Вы серьезно?

— Вполне.

— Ну что же, — поднимаясь, заворчал Квасников. — В жизни бывает всякое. Попробуем еще раз...

Идти сам он не мог. Охватив шею Горбушина правой рукой, Максимилиан Авдеевич с трудом переставлял ноги, хрипел, задыхался, но ни разу не попросил сесть. Около де-журки, куда они добрались перед самым рассветом, Квасников едва живой опустился на землю. Но пососал таблетку, глотнул из фляги вина и приободрился.

Погрузка на тральщики уже закончилась. Возле дежурки стояла под высоким настилом последняя шлюпка, которую прислали за оставшимися на берегу моряками. Она была настолько перегружена, что борта едва поднимались над водой. Матвей понимал, что один резкий поворот, одна небольшая волна – и ял сразу пойдет на дно. И все-таки он попросил:

– Товарищи, еще двое. До тральщика недалеко, доберемся.

– Нет, – ответили ему. – невозможно!

Гребцы уже заносили весла.

– Возьмите больного! Прошу! – крикнул Горбушин.

– Возьмите! – резко сказал на шлюпке чей-то командирский голос. – В крайнем случае я поплыву рядом.

Матвей спустил Квасникова на протянутые снизу руки. Шлюпка угрожающе качнулась. Максимилиана Авдеевича положили на дно среди тесно сидящих людей.

– Присмотрите за ним! – крикнул Горбушин, и опять тот же резкий голос ответил ему, что присмотрят и что завтра ночью катера попробуют пробиться сюда.

– До свидания! – прохрипел откуда-то снизу Квасников.

– Попутного ветра! – Матвей помахал вслед шлюпке рукой и медленно пошел с причала. Усталость сгибала его плечи, но он чувствовал себя легко и спокойно. У него не было теперь никаких дел, ни о ком не надо было заботиться. Только о себе. А о себе он еще успеет подумать.

Не обращая внимания на суету, на участвовавшие разры-

вы, Матвей добрался до пещеры, съел целую сковородку жареной рыбы, допил вино и, не раздеваясь, упал на кровать.

Разбудил его назойливый треск где-то над головой. Спро-сонок показалось, что работает швейная машинка. Матвей взглянул на часы и присвистнул: стрелки показывали пятна-дцать тридцать. Впрочем, спешить некуда, он сам себе хозя-ин.

Горбушин побродил по комнате, разыскал две банки кон-сервов, конфеты и батон черствого хлеба. Прежде чем по-обедать, вымыл у ракушечника ноги, переменял носки, по-чистил ботинки и пуговицы кителя. Свежих подворотничков у него не оказалось, и Матвей оторвал полоску от простыни.

Он брлся, ел, а треск наверху все продолжался, и это в конце концов стало раздражать. Пришлось выглянуть на улицу. Метрах в ста от него, на скале, невидимые снизу, би-ли два пулемета. Очереди были длинные, на половину лен-ты. Едва смолкал один пулемет, начинал другой.

Из этого Матвей заключил, что немцы близко и медлить нельзя. Он собрал свой чемоданчик, порылся в вещах Квас-никова – не забыл ли сосед что-нибудь ценное. Нашел бутыл-ку вина, любимого Максимилианом Авдеевичем, прихватил с собой.

Выбритый и начищенный, с чемоданчиком в руке вышел Матвей на улицу. Хотел подняться на скалу, узнать, в кого бьют пулеметчики, да поленился. Раз бьют, значит, знают ку-да. А ему надо в порт, к морю.

Он, наверно, выглядел диковинно в этом задымленном городе, среди грязных солдат, среди трупов и разбитых машин. Он заметил, что на него смотрят не только с удивлением, но и с уважением. Бухта была пуста. На темной воде то в одном, то в другом месте взметывались белесые столбы разрывов. Немцы били по причалам, где скопилось много людей. Вдали синей полоской виднелась заманчивая Тамань – далекая, спасительная земля! Некоторые смельчаки плыли туда: нет-нет и мелькнет среди сверкающей ряби черная голова.

Бой грохотал в самом городе. Немцы не кидали бомб, боялись угодить по своим. Их самолеты пролетали севернее, на мыс, куда отошли крупные силы советских войск.

Возле перекрестка стояли две 76-миллиметровые пушки, тут же сидели десятка полтора красноармейцев. Матвей спросил, почему они не стреляют. С ящика поднялся сержант с нашивками за ранения и не спеша, устало объяснил, что у них нет командиров и они не знают, что делать: или ждать тут, или тянуть орудия в порт.

– Снаряды есть?

– Половина боекомплекта.

– Это сколько же? – уточнил Горбушин. Он хоть и служил артиллеристом на сторожевике, но в сухопутных нормах не разбирался.

– Полсотни на ствол.

– Тогда вперед! Эй, там, последние, на шкентеле! Поживее! – прикрикнул он, и красноармейцы охотно подчинились.

его бодрому уверенному голосу. Облепили орудия, покатали их на пологий подъем.

Матвей улыбался, помахивая чемоданчиком. Он помнил, что неподалеку, в конце этой улицы, есть сквер с кустарником. Потом – ровное поле до самых холмов, хороший обзор, удобное место для стрельбы.

Однако до сквера они не добрались, там трещали винтовки и автоматы. Высунувшись из полуразбитой хибары, Матвей разобрался, что к чему. По ближнему краю сквера тянулась ломаная линия окопов, тут были наши. А дальше, среди редких акаций, перебегали немцы. Они накапливались в канаве, метрах в пятистах от сквера. Возле холмов поднималась пыль; оттуда подходили танки или автомашины.

Мимо хибары проковыляли двое раненых.

– Товарищи, какая часть? – окликнул их Горбушин.

– Разные, – ответил боец. – Есть и пехота, и танкисты есть.

– А командир где?

– Да мы не знаем. Тут кто как. Кого прижал немец, тот и стреляет.

Матвей вышел к артиллеристам и приказал выкатить орудия на прямую наводку. Артиллеристы оказались ребятами умелыми и сноровистыми. Сержант распоряжался сам. Дал десять выстрелов по автоматчикам в кустах, потом перенес огонь на канаву, расстреливая плотно сбившихся немцев.

– Дай мне! – попросил охваченный азартом Матвей.

Сержант показал наводчику: отойди. Матвей припал гла-

зом к прицелу, чуть повернул ствол пушки, увидел машину, выползавшую из пыльной завесы. Выстрелил – и промахнулся. Промазал и в другой раз. После этого сержант уважительно, но твердо сказал ему:

–Товарищ командир, снаряды у нас считанные.

Матвей опять забрался в хибару, наблюдал за боем. Вот ведь как: достаточно двух орудий, чтобы заставить немецкую пехоту откатиться на километр. Есть люди, есть пушки, но нет организованности. Если бы каждый участник трехсуточных заседаний в подземелье возглавил оборону на одной улице, то на двадцати улицах немцы дали бы задний ход...

Вечером фашисты бросили на этот участок самолеты. Машина за машиной отваливалась от строя и с ревом неслась к земле, засыпая сквер мелкими бомбами. Тут уж ничего нельзя было сделать, лежи да грызи горелый кирпич, чтобы не завопить от страха.

Бомба разбила орудие. Уцелело пятеро артиллеристов и три снаряда. Матвей приказал выпустить их по гитлеровцам: знайте, мол, что мы живы. Сержант вынул из орудия замок, и все пошли к бухте.

Наступила ночь, немцы освещали порт «люстрами» и непрерывно обстреливали его. Матвей побродил по берегу, поискал, нет ли автомашин с уцелевшими скатами. Но все грузовики были «разуты». Что ж, море спокойное, ориентиры хорошие, можно плыть и так.

Матвей не спеша разделся, сложил на камни брюки и ки-

тель. Тельняшку не снял. Хотя она и будет стеснять движения, но к ней пришит карманчик, в котором, в клеенчатом пакете, хранятся партийный билет и удостоверение личности.

Вода сверху была теплой, внизу – холоднее: не успела прогреться. Горбушин вернулся к одежде, достал из кителя английскую булавку, прицепил к тельняшке. Если сведет ногу – будет чем уколоть.

Он поплыл, сохраняя ровное дыхание, не вынося рук из воды. Это только спортсмены да пижоны машут руками, не берегут сил. Первые гонятся за скоростью, а вторые выдрючиваются перед девицами на пляжах... Матвей усмехнулся: какая ерунда лезет в голову... Лучше ни о чем не думать и плыть размеренно, переворачиваясь на спину, когда появляется усталость.

Прошел, наверное, час, прежде чем Матвей решил отдохнуть. Приподняв голову, он долго смотрел на город, освещенный пожарами. Выстрелы теперь сверкали возле самой воды. Да, сегодня еще можно уплыть, а завтра будет поздно. Вечная память ребятам, пехотинцам и артиллеристам, которые остались там, на пылающем берегу!

* * *

Катерный тральщик шел только до Анапы, но Горбушин решил отправиться на нем. Из Анапы чаще ходят корабли в

Новороссийск, легче добраться. Вода, будто покрытая темным лаком, была спокойна. Небо ослепляло синевой. С суматошными криками проносились белые чайки. За бортом катера проплывали бревна, спасательные круги, солома. Много раздувшихся трупов несло течение из Керченского пролива в открытое море.

Горбушин сидел на горячих, выдраенных до цвета старой слоновой кости досках палубы, шевеля пальцами босых ног. В Тамани он с грехом пополам раздобыл потертые брюки, рабочий китель, узковатый в плечах, и фуражку, хоть и без «краба», но все же флотскую. Не нашел только ботинок. С обувью был дефицит, на одном из катеров ребята дали ему сандалии с дырочками, он так и щеголял в них, но они были тесны, сжимали ступню, словно обручем.

Приближался берег. Издалека увидел Горбушин людей на широком песчаном пляже, там работали женщины, натягивали возле воды колючую проволоку. В кустарнике стояли замаскированные зенитки. Линия фронта проходила теперь тут: пляж был удобным местом для вражеского десанта.

К длинному деревянному причалу приклеилось десятка полтора мелких судов. Для катерного тральщика не осталось свободного места. Пришлось швартоваться бортом к морскому охотнику. Командир охотника, коренастый, крепенький главстаршина, стоял на палубе, и Матвей, прежде чем сойти на берег, потолковал с ним. Оказалось, что завтра два охотника уйдут в Новороссийск. Снимаются в девять ноль-

ноль. Если старший лейтенант желает, то может пока разместиться в его каюте... Нет, с обувью плохо. А «краб» есть. Правда, старенький, потемневший, но есть.

Горбушин привел в порядок свою фуражку и сошел на причал. Отступил в сторону, не мешая рабочим, катившим бочки, и вдруг услышал радостный возглас:

– Товарищ командир! Это вы?!

Миловидная светленькая девчонка в солдатской гимнастерке кинулась к нему, неумело тыкалась горячим носом в щеку Матвея. Он даже оторопел от неожиданности, потом припомнил: кажется, из тех керченских. Спросил грубовато, глядя в сияющие глаза:

– Меня, что ли, ждете?

– Ой, мы только о вас и говорили все время! – всплеснула она руками. – Ведь это как чудо, правда? Мы уж там отравиться хотели. Вечером совсем похоронили себя, а утром уже здесь были. Нас корабль прямо сюда привез. Сели на песочек, и солнце теплое, и наши люди вокруг. Сидим и режем. И никто даже не знает, как вас зовут, моряк и моряк...

– Матвей мое имя, – сказал Горбушин. – А вы что же, все здесь?

– Все до одной. Госпиталь заново формируется, а мы отдыхаем и дежури́м посменно, если раненых с Керчи привезут... Пост у нас тут.

Девушка взяла его под руку и сказала решительно:

– Пошли к нам, товарищ Матвей. Если я вас не приведу,

меня девчонки в море утопят! Руфина знаете как обрадуется!

– Какая Руфина?

– Да Руфка, старшина наша! Она сказала, что вы самый надежный мужчина, каких она только встречала.

Горбушин засмеялся и пошел. Медички жили на ближней к причалу улице, в белой мазанке за плетнем. С улицы мазанку почти не было видно: скрывали сирень и акация. Во дворе зеленели грядки, тянулись, набирая силу, молодые стебли подсолнухов.

Девушки загорали в саду под яблонями, при появлении Матвея поднялся такой радостный крик и переполох, что даже в соседнем доме выскочила на крыльцо хозяйка. Горбушин не узнавал их. В Керчи, усталые и грязные, они казались на одно лицо, а теперь вдруг выяснилось, что девчата эти молодые, румяные и симпатичные. Носы у всех были прикрыты бумажками. Девчонки сказали ему, что они всю весну просидели в каменоломнях, когда попали на солнце, у них сразу обгорели носы и теперь облезает кожа.

Откуда-то прибежала Руфина. Запыхавшись, подошла к Матвею и поцеловала его в губы.

– За всех! – сказала она.

– А может, мы сами хотим! – крикнула беленькая, и все снова засмеялись.

Руфина повела его в дом, напоила холодным квасом и принялась готовить яичницу. Разговаривая с девушками,

Матвей исподволь поглядывал на нее. Ему нравились уверенность и спокойствие Руфины. Она высока ростом, даже, пожалуй, выше Горбушина. Волосы у нее черные и густые, в мелких колечках; черные брови с изломом, вразлет. Нос немножко великоват, губы большие, яркие, чуть-чуть вывернутые. «Хохлушка... Или молдаванка», – подумал Матвей.

Когда она наклонилась, обнажив сзади полные ноги. Матвей отвернулся и смолк, чтобы дрогнувший голос не выдал волнения.

Он перестал замечать других девушек, хотя среди них были и моложе и красивей Руфины. Смотрел только на нее, она смущалась под его пристальным взглядом.

Матвею нужно было сходить в город, разыскать старшего морского начальника, узнать обстановку, договориться об отправке в Новороссийск. Медички отпустили его, взяв слово, что вечером вместе отметят свое спасение.

К полудню старший лейтенант выяснил все, что хотел, потом часа три подремал на узкой жесткой койке командира морского охотника. Идти к медичкам одному было неловко, им не очень весело будет при единственном кавалере. Матвей пригласил с собой коренастого бравого на вид главстаршину и двух краснофлотцев с охотника. Ребята почистились, нацепили медали и вышли на берег торжественные, как женихи.

Главный старшина возбужденно похохатывал, расспрашивал, какие там девушки и хватит ли спиртного.

– Ну и устроим шум на лужайке, – говорил он. – Основное, не теряться! Чем решительней атакуешь, тем ближе победа!

Матвей промолчал. Болтовня эта ему не нравилась, он даже пожалел, что взял главстаршину. Но едва вошли во двор, вся лихость слетела со старшины, он сник и проявил полное неумение ухаживать за девушками. Зато краснофлотцы оказались ребятами веселыми. Один сразу схватился за гитару, играл на ней весь вечер, а другой танцевал без устали.

Стол накрыли в саду, под деревьями. Раздобыли скатерть и даже тарелки с вилками. Принесли редиску, сало и жареную рыбу – закуска не отличалась разнообразием, но было ее много, да и выпивки тоже хватало. Шесть бутылок с вином из подвалов Абрау-Дюрсо, два больших графина разведенного спирта. И еще целый жбан коричневого холодного кваса.

Матвей пил спирт и квас, с удовольствием ел, не чувствуя опьянения. Дышало прохладой близкое море, сверкали звезды сквозь резную крышу листвы, негромко звенела гитара, молодые девушки были вокруг, рядом сидела притихшая Руфа, заботливо ухаживала за ним, прикасаясь к плечу Матвея теплой грудью. От всего этого хорошо и спокойно было на душе, далекой и неправдоподобной казалась горящая Керчь, трупы на улицах, мертвая девушка с маленькой ранкой на белой коже...

Он пошел танцевать с Руфой, они оказались в дальнем конце сада, и здесь, среди сирени, Матвей обнял ее.

– Не вернемся, – предложил он. – Будем вдвоем, ладно?

Руфина повела его через калитку в соседний сад, оттуда во двор, открыла ключом замок на двери. Матвей услышал, как звякнул за спиной засов. В маленькой горнице белела на кровати горка подушек.

– Сюда не придут, – сказала ему Руфа. – Никто.

Он легко приподнял ее, горячей щекой коснулся прохладной подушки.

– Подожди, в сапогах ведь! – попросила она.

– Потом! Все потом! – отвел ее руку Горбушин.

Через полчаса, снимая одеяло и взбивая смятые подушки, Руфина сказала с тихим смешком:

– Нетерпеливый ты... Разве так можно?

Она вытянулась, обнаженная, на белой простыне, подогнув колено. Глядя на нее, Матвей пил молоко из кувшина. Руфина повернулась к нему, протянула руки:

– Ну, хватит! Иди...

Ночью они почти не разговаривали. Утром, когда в горнице стало светло, Руфина начала вдруг, будто оправдываясь, рассказывать о себе.

– Ты не думай, – говорила она. – Ты ведь у меня первый за всю войну. Я когда форму надела, так и сказала себе: пока война не кончится, никого не будет!

– Я и не думаю, – засмеялся Матвей.

– Нет, ты можешь подумать. За мной многие ухаживали, даже хирург наш ухаживал, а я ни с кем. Знаешь, как нелегко это? Ведь я замужем была.

– Ты что же, раскаиваешься?

– Ни капельки. Ты нас от такого спас, что и вспомнить страшно.

– Вот оно что! – разочарованно протянул Горбушин. – Отблагодарила, значит.

– Молчи! – ладонью прикрыла она его рот. – Хочешь, страшную клятву дам, что кроме тебя, ни с одним мужчиной не лягу?

Он отрицательно мотнул головой и погладил ее плечи...

Руфина накормила Матвея завтраком, пошла проводить. Припекало солнце. Под ногами скрипел песок. Остановились недалеко от причала, у кромки прибоа.

– Писать будешь? – спросила Руфина. – Адрес возьми, – протянула она листок.

– У меня нет постоянного, – сказал Горбушин. – Как брошу якорь – сообщу.

Руфа, прищулив глаза, глядела на сверкающее под солнцем море.

– А если ребенок будет?

– Смотри сама, – поколебавшись, сказал он. – Война ведь, ты знаешь.

– После войны тоже кто-то жить должен. Если будет – оставлю, – решительно тряхнула она головой.

– Ты откуда сама-то? Искать тебя где?

– Из Краснодара... Мать и отец там.

– Прощай, Руфа! Увидимся! – обнял ее Матвей, и она на

секунду всей своей тяжестью повисла на его сильной руке.

В девять ноль-ноль два морских охотника задним ходом отошли от причала и, развернувшись, взяли курс на Новороссийск. Матвей попросил у командира бинокль. Устроившись на корме, над kloкочущим буруном, долго следил за одинокой фигуркой на пустынном пляже. Женщина в гимнастерке стояла на песке возле проволочного ограждения и махала вслед катерам солдатской пилоткой.

* * *

Цемесская бухта, глубоко врезавшаяся в материк, удобна для стоянки судов. С двух сторон прикрыта она от ветров длинными мысами, зыбь с моря разбивается о бетонный волнолом. Городские постройки тянутся от бухты к голым высоким горам, лепятся на крутых склонах.

После того как Черноморский флот ушел от берегов Крыма, Новороссийск стал основным местом базирования боевых кораблей. Горбушин увидел в бухте и эсминцы, и лидеры, и даже крейсер. Несколько транспортов стояло в порту. Отсюда уходили караваны судов в Севастополь, на причалах высились, накрытые брезентом, ящики с боеприпасами, мешки и кули с продовольствием.

На раскаленных солнцем улицах было душно. Непрерывно дымили высокие трубы, цементная пыль густо держалась в воздухе, серой пленкой покрывала траву и листья деревьев.

В штабе военно-морской базы Горбушин был зачислен в резерв. Два дня он потратил на то, чтобы выбить у интендантов новое обмундирование. А когда экипировался, пошел по госпиталям разыскивать Квасникова: тяжело раненных и больных вывозили из Керчи в Новороссийск, это он знал точно.

Максимилиан Авдеевич встретил его в длинном пустом коридоре, шагал к нему торопливо, тяжело переваливаясь. Старик так расчувствовался, что красные пятна выступили на щеках. Дышал хрипло, с натугой, и Матвей поспешил усадить его на скамью.

Выглядел Квасников неважно. Мешками висела под глазами дряблая кожа. Пальцы слушались плохо, он с трудом застегивал пуговицы на пижаме. Сразу пожаловался Матвею, что его пичкают лекарствами, а вина не дают и что лекарство без вина для него – пустой звук. Горбушин пообещал принести вечером пару бутылок.

– У этих эскулапов все нельзя, – ворчат Максимилиан Авдеевич. – Пить нельзя, курить нельзя, по бабам ходить тоже нельзя. В общем, и жить нельзя. Только лежать и в потолок харкать.

– Вы и раньше-то насчет баб не очень... – засмеялся Горбушин.

– Мало ли что! Тут не сам факт важен, а сознание, что ты, когда хочешь, тогда и пойдешь. Дух важен! Эти лекаришки намерились по чистой меня в расход списать. Дудки-с! –

показал он кукиш. — Еще полежу недельку и сбегу из этого морга. В Севастополь хотел, но там духота. Я уже знакомым письмом послал, чтобы на север меня... Вот так-то! — искося, по-петушиному глянул он на Матвея.

— Да что вы кипятитесь, — возразил Горбушин. — Хватит вам на пределе-то жить... Поезжайте к семье, поправитесь, а потом опять в строй.

— Не могу-с! Это уж как хотите! Мне надо немца убить. Из пушки или из автомата, все равно, но одного фашиста убить совершенно необходимо.

— Почему это вам так приспичило?

— Именно приспичило, — помрачнел Максимилиан Авдеевич. — Я две войны на фронте, и все в тылах, все накладными заведу. И ни единого противника, понимаете, ни единого не уничтожил собственноручно. Потому что видел немцев только в качестве пленных и вынужден был кормить их нашей российской кашей. Такая аномалия-с!..

— Вы бы про Керчь, что ли, спросили? — перевел разговор Горбушин, пытаясь уйти от темы, волновавшей Квасникова.

— А чего спрашивать? Я здесь в госпитале об этом по горло наслушался, — ответил тот. — Вернулся живым, и хорошо. А подробности рассусоливать я не любитель. Кстати, про Мехлиса-то слышали? — засмеялся он хрипло, давясь кашлем. — Погорел Мехлис-то наш, прозаседался! Сняли со всех постов и звание до корпусного комиссара ему срезали. Теперь если и будет дело портить, то не больше, чем в масштабе ар-

мии, а это все-таки поправимей.

– Чему вы радуетесь-то? – не понял Матвей.

– Естественному отбору радуюсь. Сановники-прихлебатели летят вверх тормашками, а на их места жизнь настоящих людей ставит. Эти люди не заседать, а командовать будут. Я не сторонник виновных искать, на войне война виновата. Но в Керчи случай особый, тут сразу видно, кто нас в дерьмо посадил. А ведь какие условия для обороны! Не хуже, чем у севастопольцев. И людей больше, и техники больше, и с тылом связь...

– Ну, вы скажете тоже! – возразил Матвей. – Керченский полуостров с Севастополем не сравнишь. Там флот, там моряки держат.

– Не вижу-с особой разницы.

– А я вижу. Вы вспомните только, где самая прочная оборона была. Севастополь в Крымской войне – раз. Порт-Артур – два. И теперь тоже возьмите. Хоть Одессу, хоть Ленинград, хоть Мурманск. Ни одной флотской базы немцы с ходу не взяли, везде их намертво стопорят. Вы думаете, этого там, сверху, не понимают? – ткнул пальцем Горбушин. – Все понимают. Как где аврал – туда моряков тянут. Сколько морских бригад под Москву бросили! И с Тихоокеанского флота, и даже с Северного, хоть там тоже нелегко было. Пехота драпает, а матросы бушлат долой, бескозырку на голову – и в атаку. Назад не смотрят! Вперед – смерти нет! С гранатами под гусеницы ложатся, чтобы наверняка: об этом вы слыша-

ли?

– Моряки-то, что же, люди особые? – прищурился Максимилиан Авдеевич. – Такие же грешники, как и все.

– Правильно. Тесто одинаковое, а пироги разные. Море – оно, как в кузне, характер выковывает. Сколько летчик в воздухе находится? В лучшем случае час в сутки. Ну, и слава ему. А моряк годами на железной коробке торчит. Обшивка с палец толщиной. За ней пучина. Каждый шаг – риск. Попробуйте ночью во время шторма по палубе пробежать. Волна сбивает, палуба скользкая. Зазевался на секунду – готовый харч для акулы. И ведь это не раз, не два, а пять лет для рядового матроса... Один человек ошибется – весь корабль на дно отправит. Отсюда доверие, спайка. Один за всех, все за одного – для нас это не фраза, а жизнь! А пехоту как формируют? Соберут с бору по сосенке и юнцов, и бородачей, погоняют месяц-второй – и на передовую. Рота рассыплется – лепят новую. Люди друг друга не знают, командиров не знают.

– Условия такие, – сказал Максимилиан Авдеевич. – Текучесть в пехоте огромная, и ничего не сделаешь.

– Ну, вот я и говорю, что люди одни, а закалка разная.

– Все, отступаю, – поднял Максимилиан Авдеевич пухлые белые руки. – Отступаю, хотя бы потому, что слаб. Вам не со мной, с молодыми бы спорить.

Матвей спохватился: в самом деле, что это он развоевался перед больным! Пришел, называется, проведать и успокоить.

В июне положение Севастополя резко ухудшилось. Немцы стянули войска, освободившиеся под Керчью, перебросили дивизии с других участков. День за днем без передышки продолжался штурм. Город был блокирован и с моря, и с воздуха. В середине месяца с трудом прорвался в Севастополь транспорт «Белосток». Это было последнее судно, доставившее осажденным боеприпасы и подкрепления. В дальнейшем прорывались только быстроходные военные корабли, но они не могли принимать на борт много груза.

Утром 26 июня старшего лейтенанта Горбушина вызвали в штаб флота, разместившийся в десяти километрах от Новороссийска. Помощник начальника штаба ожидал Горбушина с готовым предписанием.

– Вчера немцы разбомбили Севастопольскую панораму. Какие повреждения, мы не знаем. Приказано вывезти все, что уцелело. Это наша национальная ценность. Немедленно отправляйтесь на «Ташкент». Командир предупрежден. Примете в Севастополе картину и доставите сюда.

– Есть! – с привычной бодростью ответил Матвей и побежал к ожидавшей машине. В Севастополь – это обрадовало его. Но поручение озадачило. Он помнил большое круглое здание Панорамы с крышей, как купол, припоминал даже детали картины: матросов у пушек, адмирала Нахимова... Но

что с ней делать?

На «Ташкенте» он сунулся было к командиру корабля капитану 2-го ранга Ерошенко, но тому было не до Горбушина. Грузились пехотинцы, требовалось разместить их, принять и закрепить ящики с боеприпасами. Вокруг командира толпились флагманские специалисты. Матвей решил подождать лучших времен, пошел к помощнику, и тот устроил его в каюте корабельного минера.

В середине дня лидер покинул Цемесскую бухту и взял курс к берегам Крыма. Обогнав «Ташкент», вперед ушел эскадренный миноносец «Безупречный». Матвей с кормового мостика любовался стройным быстроходным эсминцем, и даже глаза пощипывало от волнения. Он воспринимал эти корабли как поэму, как высшее создание человеческого разума и интеллекта. Строгие, благородные обводы корпуса, устремленность вперед, подчеркнутая скошенными мачтами и срезом труб, собранность, стремительность, сила – в них было все, и они порой казались Матвею одухотворенными существами. Горбушин начинал на эсминцах флотскую службу, и с тех пор остались в нем восторг и преклонение перед этими быстрыми, отлично вооруженными кораблями.

– Правый борт, курсовой тридцать! – громко крикнул сигнальщик. – Три самолета!

Матвей мгновенно спустился по крутому трапу на палубу. По кораблю неслись резкие, прерывистые сигналы колоколов громкого боя; топая ботинками, бежали матросы. За-

мерли на своих местах встревоженные пехотинцы.

– Тут те не земля, тут не зароешься! – сокрушенно произнес кто-то.

Лидер резко увеличил ход. Короткими трескучими очередями ударили зенитки. Встреченные плотным огнем, самолеты снизиться не решились. Бомбы, сброшенные с большой высоты, легли впереди лидера. Через минуту корабль шел над этим местом, вода там почти успокоилась. Среди мутной пены поблескивала глушенная рыба.

Под вечер на траверзе Ялты, когда завиднелась вдали позолоченная солнцем корона Ай-Петри, прилетели немецкие торпедоносцы. Головной самолет сразу пошел в атаку и, сбросив торпеду, промчался над кораблем.

Матрос-зенитчик успел всадить ему в хвост пулеметную очередь.

Впереди, где отбивался от бомбардировщиков «Безупречный», как раз против Ласточкиного гнезда, взметнулся вдруг черно-белый столб дыма и пара, оттуда докатился низкий, дребезжащий гул.

Лидер рванулся, словно подстегнутый, помчался на помощь своему младшему брату, но было уже поздно. Там, где должен был находиться эсминец, разлился жирно блестящий мазут, плавали люди – очень много людей: ведь, кроме своей команды, на борту «Безупречного» был еще батальон пехотинцев – четыреста человек.

Низко, почти над головами людей, носились немецкие са-

молеты, вспенивая воду пулеметными очередями. Артиллеристы «Ташкента» шквальным огнем разогнали их, с борта летели спасательные круги и плотики. Матросы готовили к спуску баркас и шлюпки.

Отбиваясь от самолетов, лидер постепенно, словно бы неуверенно, замедлил ход. Из воды обрадованно кричали черные от мазута люди, плыли к кораблю, радуясь близкому спасению. Но были и такие, которые старались отплыть подальше от лидера, махали руками: проходи скорей, не задерживайся! Таких было немного – те, кто уцелел из экипажа «Безупречного». Они знали: лидеру нельзя останавливаться! Если он застопорит ход, то его, как неподвижную мишень, сразу расклюют стервятники. И тогда погибнут все.

Взаимная выручка – священный закон моряков. Каждый готов пожертвовать жизнью ради товарищей. Но есть высший закон, еще более гуманный, хотя и кажется жестоким на первый взгляд. Морские правила запрещают командиру заниматься во время боя спасательными работами, если это ставит под угрозу корабль и может сорвать выполнение боевой задачи.

По движению лидера Матвей Горбушин понимал, как колеблется командир Ерошенко. Вот «Ташкент» еще сбавил ход, начал описывать круг. Новая группа бомбардировщиков пошла на него, но лидер отвернул, и бомбы легли как раз там, где плавали среди обломков люди.

«Ну решайся, решайся», – мысленно торопил командира

Матвей, сам не зная, что же все-таки предпринять: спасти людей или уходить?! В воде было человек двести. А на лидере одних пехотинцев больше тысячи... И все-таки Матвей, будь он командиром, не смог бы бросить тех, кто ожидал помощи, хотя знал и понимал, что это безрассудство, смертельный риск.

Но командир поступил иначе. Лидер увеличил ход и продолжал свой путь, отстреливаясь от вражеских самолетов. Горбушин снял фуражку и рукавом вытер пот, заливавший глаза...

Еще на переходе Матвей узнал, что Северная сторона уже занята немцами и в Северную бухту корабли не заходят. При свете луны «Ташкент» медленно втянулся в бухту Камышевскую, мелкую и опасную из-за подводных скал, и остановился возле полузатопленной причальной баржи.

Над Севастополем бушевало пожарище, гул и грохот кастились оттуда. Пехотинцы высадились с корабля, быстро построились и ушли к городу. Берег бухты был заполнен людьми, тут лежали тысячи раненых, их сразу же принялись переносить на корабль. Много было мужчин в штатском и женщин. Поблизости рвались снаряды. Дважды сыпали бомбы ночные бомбардировщики, но никакой паники, никакого волнения не увидел Матвей. Эти люди привыкли за восемь месяцев к более страшному.

Горбушин собрался ехать на попутной машине в город на улицу Ленина, чтобы узнать на командном пункте флота, где

находится Панорама. Кто-то сказал ему, что немцы простреливают весь центр не только из пушек, но даже из пулеметов, посоветовал сходить на 35-ю батарею, в казематы которой перебрался Военный Совет.

Матвей вернулся на причал, и тут выяснилось, что картина, разрезанная на части, уже привезена из города. Матросы начали грузить ее.

Экипаж корабля работал быстро, без отдыха. За два часа лидер принял с берега больше двух тысяч раненых. Их укладывали на рундуки, на подвесные койки и прямо на палубу, один к другому, оставляя узенькие проходы. Потом поднялись на борт женщины с детьми, инженеры и рабочие – специалисты с севастопольских предприятий. Люди увозили с собой в карманах и платочках пригоршни сухой земли. Стояли тесной толпой, многие плакали, обнажив головы.

Часть рулонов не поместилась в кормовом кубрике, их пришлось уложить на палубе. Горбушин и двое гражданских товарищей, сопровождавших полотна, уселись тут же. Узнав, что сопровождающие ничего не ели больше суток, Матвей принес колбасу и хлеб. Один из гражданских, нервный, с большими глазами на иссохшем лице, с жадностью набросился на колбасу. Второй ел неторопливо, рассказывая Горбушину, как спасали Панораму.

– Пикировщики на нее налетели, – по-украински мягко говорил он. – Низко шли, прямо над куполом. Попали точно: и купол разбили, и стену. Сразу пожар начался. Туда ки-

нулись бойцы с поста противовоздушной обороны, краснофлотцы сбежались. И ведь надо – так повезло: Анапольский там оказался. Здание горит, рушится, а он собрал людей, показал, как полотно резать. Пожарники тушат, а моряки картину снимают. Окатывали краснофлотцев водой, чтобы не обгорели.

– Кто такой Анапольский? – поинтересовался Матвей.

– Моряк наш, старшина первой статьи, он художником до войны был.

– А раньше-то почему не вывезли Панораму? Не додумались, что ли?

– Трогать не хотели, ветхая очень. Уж и так ее чинили и подлатывали все время. Надеялись мы, что не тронут немцы. Специально возле Панорамы воинских частей не ставили, ни одной зенитки вокруг не было. Немцы знали об этом. Не обстреливали и не бомбили. А теперь, видно, совсем озверели.

– Озверели, – подтвердил глазастый мужчина, приканчивая колбасу. – Сколько их тут побили – не перечесть. Нигде столько не побили, как под Севастополем. Тут на каждый квадратный метр два трупа крест-накрест положить можно. А теперь все, – у него задергались плечи и шея. – теперь не удержим. Да и держать нечего, одни развалины. Продали нас керченские боягузы. Сами спаслись, а нас продали!

– А что Керчь? – недовольно сказал Горбушин. – В Керчи тоже не мед был.

– Продали нас керченцы, – упрямо твердил глазастый. –

Руки немцу развязали, он на нас всю силу послал, всю авиацию. Немцы в Керчи тысячу орудий целенькими взяли, двести танков исправных. Из русских пушек русскими снарядами Севастополь били. А у нас на всю оборону тридцать восемь танков, да из них половина, которые из тракторов сделаны. А ты говоришь – керченцы! Немцы вон репродукторы ставили, кричали нам, что под Керчью целые армии сдались.

– Брехня! – резко произнес Горбушин. – Я сам в последний день оттуда уплыл.

– Видать, пловец ты хороший, – мужчина нахохлился, как воробей перед дракой. – Что же теперь, поклониться тебе? В ножки упасть?

– Товарищ тут ни при чем, – спокойно сказал украинец, обнимая его трясущиеся плечи. Подмигнул Горбушину: извини, мол, не в себе человек. – Товарищ помогать нам пришел, а ты бьешь без разбора.

Никакой вины не чувствовал за собой Матвей, но слова глазастого покоробили его, неприятно было сидеть рядом с ним. Матвей поднялся, шагнул к леерам.

Осталась позади Камышовая бухта. Часа полтора корабль быстро шел без всяких помех. Под палубой натужно гудели машины, весь корпус вибрировал от напряжения. Потом в ясном утреннем небе появился одинокий самолет-разведчик. Описал большой круг и медленно удалился к берегу. А вскоре оттуда, из-за высоких гор, вырвалась первая пара «юнкерсов». Следом за ней – вторая, третья, четвертая.

Двухмоторные бомбардировщики то резали кораблю курс, то заходили с носа, со стороны солнца, то налетали с кормы. Стреляли зенитки, оглушительно ухал главный калибр, трещали пулеметы. С гулом рвались бомбы, взметывая белые кипящие фонтаны, обдавая потоками роды палубу. Корабль маневрировал, на полном ходу рыскал то вправо, то влево, ложился на борт так круто, что люди падали друг на друга.

Горбушин и оба сопровождающих плашмя лежали на рулонах. Раза три или четыре их окатило водой, и украинец, потеряв спокойствие, начал жаловаться, что картина промокнет, приставал к Матвею: нельзя ли перенести рулоны в закрытое помещение? Горбушин даже выругался: по палубе и без груза пройти нет никакой возможности. Да и все помещения забиты людьми.

В коротких перерывах между налетами, когда смолкала стрельба, становилось вдруг необычно тихо. Слышался гул двигателей да плеск волн. Негромко переговаривались рабочие, отряхивались, закуривали. Возле торпедного аппарата все время плакал ребенок. Но вот опять раздавались тревожные крики сигнальщиков, с мостика звучали команды. И снова – рев, свист, треск, рывки из стороны в сторону. Во время шестого налета две бомбы легли рядом с лидером, осколки посекали тех, кто стоял возле борта, нескольких человек смыло водой, и они исчезли в бурлящем белом потоке за кормой.

Через пробоины в корпусе хлынула вода. Она затопила носовые отсеки, ворвалась в кочегарку. Вышло из строя рулевое управление. Корабль полз, словно раненый, продолжая отбивать вражеские атаки. Нос его все глубже опускался в воду, корма поднималась...

Добраться самостоятельно до Новороссийска лидер не смог. В открытом море его встретили эсминцы, сняли раненых и пассажиров. На «Ташкент» подали буксирный конец и медленно потянули его в базу кормой вперед.

В Новороссийске Горбушин сдал свой груз. На причал пришли автомашины, специально выделенные для перевозки картины. Предстоял долгий путь поездом до Новосибирска. Но Матвея это уже не касалось. Он отправился в штаб флота, чтобы доложить: задание выполнено.

* * *

Вечером, прихватив бутылку вина, Горбушин пошел в госпиталь. Новостей накопилось много, было о чем потолковать с Квасниковым.

У входа на второй этаж старшего лейтенанта остановила санитарка.

- Возьмите халат.
- Да я в коридоре побуду.
- Вы к кому?
- К Квасникову из девятой.

Санитарка посмотрела на него внимательно, спросила, наклонившись над столиком:

– Вы кто ему будете?

– Друг-приятель, – засмеялся Матвей.

– Его нет, – сказала санитарка, не повернув головы. – Обратитесь в регистратуру.

«Удрал! – подумал Горбушин. – Обещал удрать и удрал! Может, даже в одной пижаме, с него станет!»

Возле маленького окошка в фанерной перегородке сидел аккуратный седой старичок с черными веселыми глазками.

– Я по поводу Квасникова, – улыбнулся Матвей. – Сбежал он от вас?

– Квасников? – регистратор перебирал карточки. – Максимилиан Авдеевич?

– Точно, – подтвердил Горбушин.

– Сбежал, – кивнул старичок, прищулив глаза. – Сбежал, Царство ему Небесное! Вчера и похоронили.

– Что?! – вскрикнул Горбушин. – Что вы сказали?

– Вчера, говорю, похоронили Квасникова. На городском кладбище. Если желаете, номер могилки могу...

* * *

В полдень город содрогнулся от взрывов. Пospешно, вразнобой ударили зенитки. Где-то высоко в небе гудели моторы, а в бухту и на причалы падали бомбы.

Немцы произвели массированный налет. «Юнкерсы» появились неожиданно. Они прилетели не с моря, как всегда, а выскочили со стороны берега, из-за гор. Отбомбились и сразу ушли.

То, чего фашисты не смогли сделать в море, в открытом бою, они сделали исподтишка. Когда Матвей прибежал на берег, бухта радужно сверкала и переливалась под солнцем; толстым слоем растекся мазут, плавали в нем черные бревна и еще что-то, похожее на бесформенные мешки.

Как памятники над могилами, высились над водой надстройки и мачты искалеченных боевых кораблей. Среди них увидел Матвей разбитые покореженные надстройки лидера. Красавец корабль, десятки раз пробивавшийся в Севастополь, затонул возле берега, оставив в себе многих моряков своего экипажа.

Ошеломленный Матвей долго стоял на бетонной стенке. Его давила нелепость, нелогичность случившегося. Он никогда не верил в судьбу, в пророчества, а тут вдруг подумал: что, может, действительно определена для каждого человека и для каждого корабля точка, в которой оборвется жизненный курс? А если так, то зачем беречься, зачем заботиться о себе? Что будет, то и будет. Правильно говорили в старину: кому суждено быть повешенным, тот не утонет!

Три победы: под Изюм-Барвенково, на Керченском полуострове и в Севастополе – сразу изменили обстановку на фронте в пользу гитлеровской армии. Немцы в эти дни говорили, что посев был очень удачным и что осенью следует ожидать богатой жатвы. Советские войска ослабли, остались без стратегических резервов. А германское командование еще не ввело в действие свои главные силы. На фронте от Курска до Таганрога стояли пять полностью укомплектованных армий. Еще три армии: итальянская, румынская и венгерская – сосредоточивались за их спинами. На союзников возлагалось решение второстепенных задач. Главные лавры немцы готовили для себя.

Теперь не было никаких помех, чтобы начать великое летнее наступление. Группа армий «А» движется через нижнее течение Дона на Кубань, захватывает Майкоп, Грозный, Баку. Группа армий «Б» захватывает Воронеж, а затем выходит к Волге по обе стороны Сталинграда. Впереди – отличная местность, ровная степь, будто специально созданная для действий танковых корпусов. Впереди – богатейшие места южной России. Впереди – нефть, которая поможет победить не только здесь, но и во всем мире!

– Слушай, приятель, что-то не нравится мне вся эта катавасия, – сказал Вышкварцев, выглядывая в амбразуру. – Опять стервецы какую-то пакость придумывают. Ночью они броды прощупывали, теперь на мотоциклах катаются. Немец – человек аккуратный, он зазря каплю горючего не изведет.

– Да много ли их? – спросил Виктор, откладывая учебник немецкого языка.

– За роту ручаюсь, а может, и больше.

– Скажи Гафиуллину, чтобы пулеметом пугнул.

– Далеко, не захватит.

– Тогда не мешай заниматься. Мне сегодня двадцать слов зазубрить надо и страницу перевести.

– Подумаешь, академик, кто с тебя спросит?!

– Сам спрошу.

– А мне что же, со скукидохнуть?

– Поспи или письмо напиши.

– А ну, – отмахнулся Емельян. – Вчера писал. Пойду лучше Гафиуллину голову брить, он еще утром просил. Ты, приятель, поглядывай здесь.

Вышкварцев надел каску и по земляным ступенькам поднялся в траншею. Наверху нещадно палило солнце, раскаленный воздух над степью казался синим и переливался, как жидкость. Душно и в дзоте. Со стен сыпалась сухая земля.

Одно спасение – не попадали сюда горячие лучи.

Виктор встал с ящика, присел несколько раз, чтобы разогнать кровь. Хотел помахать руками – но ударился локтем: в дзоте не развернешься, полтора метра от стены до стены. Через амбразуру виднелась впереди кочковатая низина, за ней поблескивала среди зеленых зарослей река Оскол, а еще дальше, на высоком правом берегу, петляла серая от пыли дорога. Обычно немцы пользовались ею только ночью, но в последние дни обнаглели, их мотоциклисты и даже грузовики появлялись в любое время.

Еще на Северском Донце пристали Дьяконский и Вышкварцев к гвардейской дивизии, вырвавшейся из окружения. Всю первую половину июня медленно отходили на восток, сдерживая немецкую пехоту, теряя в боях людей. Остановились только на Осколе, неподалеку от города Купянска. Здесь по восточному берегу тянулся хорошо оборудованный рубеж с дотами и дзотами, с глубокими траншеями и сетью ходов сообщений. Немцев тут задержали, но в дивизии не осталось и тысячи бойцов. В батальоне уцелело девяносто красноармейцев и сержантов и только один командир, старший лейтенант по званию. А дали батальону участок обороны в три километра. Получалось по три человека на сто метров. Виктор, Емельян и татарин Гафиуллин сидели возле дзота, не видя соседей. Как на пустынном острове, особенно ночью.

В темноте немецкие разведчики лазили по ничейной зем-

ле. Порой забирались даже в траншеи. Поэтому до рассвета дежурили все трое, постреливая для остротки из пулемета. Артиллеристы, стоявшие за спиной пехоты, не шибко надеялись на нее, вырыли окопчики впереди батарей и держали там собственное прикрытие из ездových и другого люда, без которого можно обойтись непосредственно на огневой.

Немцы, не беспокоившие нашу оборону целую неделю, опять оживились. И движение по дороге, и набеги разведчиков, и пристрелочная стрельба с закрытых позиций – все это неспроста. Можно было ожидать новой атаки. Но не раньше, чем утром. Немцы любят светлое время. Темнота мешает им использовать технику...

Наверху послышался шум. Виктор вылез в траншею. Там стоял командир батальона, недавний ротный, разбитной парень-фронтовик, повалившийся в госпиталях. Вероятно он только что подошел: запыхался, лицо потное.

– Эй, Дьяконский, у тебя какое образование, восемь классов? – спросил комбат.

– Среднее.

– Чего же ты молчишь, так твою так!

– А ты спрашивал?

– А чего мне спрашивать, начальство спрашивает. Мотай вместе с Вышкварцевым в штаб дивизии.

– Зачем?

– Откуда я знаю! Приказано выслать в штадив всех, у кого восемь и больше. Так что валяйте. Я тут сам с вашим татари-

ном посижу. А вы – рысью, к четырнадцати чтобы быть там!

Штаб дивизии находился в березовой рощице, в четырех километрах от передовой. Виктор, хоть и легок был на ноги, все же взмок, пока добрался туда по такой жаре. Рядом со штабом в землянках на склоне оврага размещались медсанбат и дивизионный обменный пункт.

Сержантов и старшин, вызванных с передовой, собрали возле крытого грузовика. Прибежал распаренный майор, дал каждому по анкете, отпечатанной на машинке, и велел скорее заполнить. Два писаря вытащили из землянки стол, принесли ручки и чернила.

Виктор посмотрел вопросы: год и место рождения, национальность, образование, партийность, когда принял присягу, в каких частях служил и на какой должности, какие награды, ранения... О родителях не спрашивалось, и он облегченно вздохнул.

Майор собрал листки. Приказал всем почиститься и надеть медали, у кого есть, а сам исчез. Вышкварцев прицепился к писарям: в чем дело, почему спешка? Те отмалчивались, но настойчивый старшина все же выведал, что в штабе дивизии находится командующий армией и что был большой разнос...

Кто-то выпросил у радистов сапожную щетку. Ребята принялись чистить заскорузлые разбитые ботинки и сапоги. Двое брились, поставив осколок зеркала на подножку машины. Почти у всех были медали, а у одного старшины даже

орден Красного Знамени.

– Вот это народ! – с восхищением сказал Вышкварцев. – Вот таких посади сорок гавриков на километр, мы любую атаку отразим!

– Пока что по сорок не получается, – усмехнулся. Дьяконский. – Пока что по два гаврика...

Только успели бойцы навести с помощью слюны и щетки кое-какой блеск на свою обувь, пришел интендант и повел их к обозным двуколкам. Там каждый получил новенькие сапоги с зелеными брезентовыми голенищами – легкие и удобные, как раз для лета.

Через пару часов все выстроились на полянке. Появился командующий армией, худощавый и по-кавалерийски кривоногий генерал-лейтенант. Поздоровался басовито, кивнул, довольный дружным ответом. Взял у командира дивизии лист и неторопливо зачитал приказ о присвоении званий младших лейтенантов. Поздравил, прошел перед строем, вглядываясь в лица. Остановился перед старшиной с орде-ном, спросил:

– За что?

– Взял в плен немецкого майора, товарищ генерал-лейтенант! – гаркнул тот.

– Подвернется полковник – не упускай. А сейчас наша задача – стоять на Осколе. Немцы подтянули танки, вот-вот начнут. На вас, на ветеранов, самая большая надежда. Пока есть еще время – учите бойцов. Ну, желаю вам успехов в бою!

Командующий ушел, а командир дивизии вместе с майором распределили новоявленных младших лейтенантов по полкам. Десять человек, среди них Вышкварцев и Дьяконский, были назначены командирами рот, остальные – взводными. Командир дивизии был сердит и выговаривал майору, что тот не воспользовался случаем и не собрал больше людей, так как сорока лейтенантов не хватит и на половину вакантных должностей.

Потом их повели получать пополнение. Дьяконскому дали восемнадцать человек, из них шестеро казахов. Люди все в возрасте, лет за тридцать, но на фронте впервые. Виктор прикинул: два десятка бойцов осталось у них в роте, да еще восемнадцать, это уже кое-что.

Теперь он спокоен за свой километр фронта и за левый фланг: слева была рота Вышкварцева. Сам развел новичков по местам, приставил к каждому опытного бойца, назначил двух сержантов командирами взводов.

Вечером явился в гости Емельян. Сказал, посмеиваясь:

– Ну, приятель, в гору пошли, только далеко ли уйдем? Этот кубик в петличках наполовину шансы выжить убавил. Если смотреть на круг, кто в первую очередь на войне гибнет? Командиры рот да Ваньки-взводные. В атаку всегда впереди, всегда личным примером... .

– Ладно, – в тон ему ответил Виктор. – Мы в батальонные командиры выбьемся. А батальонных реже закапывают. Они все-таки чуть подальше от переднего края.

– Значит, будем делать карьеру? – подмигнул Емельян. И уже серьезно спросил: – Ты доволен, Витя, ты ведь хотел командиром быть?..

– Доволен, конечно, – не совсем уверенно ответил Дьяконский. – Понимаешь, я знаю, что у меня получится, это не самоуверенность, это просто по силам. Но вот радости настоящей не испытываю. Мечтал, рвался, любил военное дело... А теперь на многое по-другому смотрю. Война опротивела.

* * *

Под прикрытием минометов рота немецких автоматчиков переправилась через Оскол, залегла среди кочек. Фашисты явно прощупывали оборону. Прошлым летом по ним начали бы палить из всех средств, но теперь – дудки! Молчала наша артиллерия, молчало большинство пулеметов. Лишь когда немцы сняли огонь с траншеи и перенесли его вглубь, когда автоматчики перебежками двинулись вперед, накапливаясь для броска, по ним прицельно ударили из винтовок.

Фашисты отошли. Они, наверно, закрепились бы на восточном берегу, но Виктор с тремя бойцами и ручным пулеметом пробрался по балочке, по кустам до окопа боевого охранения. Гафиуллин резанул оттуда пулеметным огнем по открытому флангу. Немцы бросились к броду. Пока фашисты переправлялись, Гафиуллин и два пулеметчика из дзота прицельным огнем расстреливали их. Истошные вопли раз-

носились далеко вокруг. На западный берег выбралась жалкая горстка.

– Вот так-то, – сказал Виктор. – Мы вас научим стучаться, прежде чем в дверь входить!

Немецкие минометы продолжали свирепствовать, но бойцы отлеживались в нишах и «лисыих норах», только один наблюдатель был ранен в челюсть...

Атака началась утром. В шесть часов ударила немецкая артиллерия. Била она точно – помогал висевший в небе корректировщик. Траншею затянуло дымом и пылью, остро воняло тротилом. В серой пелене багрово вспыхивало пламя разрывов.

На участке Дьяконского снаряды разрушили два дзота из пяти, во многих местах засыпали траншею. Будь тут много людей, снаряды нарубили бы кровавого мяса. Но немцы молотили почти по пустому месту.

Форсирование Оскола фашисты повели сразу на всем видимом пространстве. Перебирались бродом и вплавь; на лодках и на плотках перебрасывали пулеметы и минометы.

Заработали наши артиллеристы. Но огневая завеса была негустой, фашисты просочились сквозь нее, рассыпались по лугу.

Укрываясь в кустах и траве, немцы ползком и перебежками двинулись к траншее. На Виктора шла большая группа: фашисты вскакивали, подбадривая себя криком. Гафиуллин прижал их к земле длинной очередью.

Между траншеей и речкой одновременно во многих местах появились полосы дыма. Фашисты зажгли дымовые шашки. Ветра не было, отдельные полосы слились в плотную завесу. Ни пулеметчики, ни артиллерийские наблюдатели не видели теперь, что творится на берегу, но сквозь стрельбу все явственней доносилось гудение двигателей. Дьяконский понял: противник переправляет танки.

* * *

Вечером стало известно, что севернее Купянска немцы прорвали оборону и продвинулись далеко на восток. В той стороне горели деревни, туда большими косяками, по восемнадцать-двадцать машин, пролетали фашистские самолеты. Дивизия получила приказ отойти на новый рубеж.

Опять, как в прошлом году, потянулись горькие дни отступления, только теперь было еще хуже. В Белоруссии, в северной Украине много лесов, перелесков, есть где укрыться от авиации. А тут – голая степь, изрезанная балками, лишь кое-где видны на ней старые одинокие деревья. Под такими не спрячешься.

Трое суток немецкая мотопехота шла по пятам. Каждое утро остатки дивизии занимали оборону фронтом на север и на запад. Вспыхивали мелкие стычки. К вечеру дивизия опять начинала отход, оставив небольшие заслоны. Главные силы фашистов действовали севернее, бои откатились на Во-

ронеж. Дивизия таяла от бомбежек. Красноармейцы разбежались по степи при появлении самолетов, многие отставали.

С курганов видно было, как по дорогам, по балкам и прямо по травянистой целине бредут на восток сотни людей. Вся степь усеяна была беженцами и группами солдат. Не то что дивизия – в бескрайних придонских просторах рассеялась целая армия.

Машины, в которых отправляли на восток раненых, обратно не возвращались. Дивизия осталась без колесного транспорта. Даже полковник шагал пешком, вел за собой колонну в шестьсот штыков при пяти пушках и с десятком повозок.

Возле станции Миллерово они оторвались, наконец, от преследования и, пройдя еще сто пятьдесят километров, вышли к хутору Базки. Дон здесь круто, почти под прямым углом, ломал свое течение. Вдоль восточного берега тянулась длинная улица станицы Вёшенской, а правей ее зеленел лес.

Работала только одна переправа, сюда стекались машины, повозки и пеший люд со всех окрестностей, от станицы Казанской и севернее. И вверх и вниз по течению, насколько хватал глаз, копошился серый муравейник. Эта людская масса, выкатившаяся из степи, принесла с собой столько пыли, что и трава, и кусты, и дома в хуторе — все было покрыто толстой коростой. Мутной казалась вода в реке.

Отчаявшись дожидаться очереди на переправу, многие перебирались вплавь. Повсюду маячили на воде черные голо-

вы. И по тому, как сносило пловцов, чувствовалось, что течение здесь сильное.

Пока Дьяконский и Вышкварцев мылись и стирали в Дону выгоревшие добела гимнастерки, Гафиул-лин раздобыл молодого барашка и умело освежевал его. В крайнем доме хозяйка затопила печь, принялась стряпать на весь батальон.

Командир дивизии вернулся с переправы мрачный, приказал отдыхать до утра. Поужинав, Виктор пошел в огород, прилег на теплую землю среди подсолнухов. Рядом вытянулись на плащ-палатках Вышкварцев и комбат. Распухшее усталое солнце медленно оседало к земле, протянув вдоль реки длинные багровые полосы.

– Эй, приятель, ты знаешь, место какое тут знаменитое? – спросил Вышкварцев.

– Знаю, – неохотно ответил Виктор, покусывая травинку. – Давно мечтал побывать.

– Да, Витя, для меня это самая любимая книга. Всегда она у нас с отцом на столе, как Евангелие, лежала.

– Ребята, о чем вы, так вашу так?! – приподнялся комбат. Дьяконский скользнул по нему невидящим взглядом, вспомнил вслух:

– Вешенская – вся в засыпи желтопесков. Невеселая, без садов, станица... Кажется, так...

– Не видно песков-то, – снова сказал комбат.

– Далеко, вот и не видно, – отмахнулся Вышкварцев. – А Базки-то вроде по описанию крепко на хутор Татарский

смахивают. Я сперва даже удивился, будто в знакомое место попал.

– Возможно, – кивнул Дьяконский. – Когда переправимся, обязательно дом разыщем.

– Да ведь самого-то нет здесь, он на фронте наверняка.

– Все равно посмотрим.

– Дьяконский, так твою так, чего темнишь? Знакомые, что ли, у тебя тут?

– Знакомые, – спокойно сказал Виктор. – А если ты еще раз обратишься ко мне с матом, спущу под обрыв. Понятно?

– Понятно, – сказал комбат. – Телячьи нежности. В бою небось не обижался.

– Там дело другое.

– Да, ты уж привыкай с людьми по-человечески, а не по-собачьи, – поддержал Вышкварцев.

– А ну вас, так вашу так, – засмеялся комбат. – Ну, чего навалились двое на одного? Я ж ведь от всей души к вам. А раз не нравится, значит, не буду.

Рано утром, едва дивизия успела переправиться через Дон, появились немецкие самолеты. Первые бомбы упали в реку. По берегу подальше от опасного места, брызнули в обе стороны красноармейцы. Виктор лег на спину возле самой воды, следил за темными машинами, пронесившимися над рекой. Он видел, как отделяются от них черные капли бомб, и каждый раз точно угадывал: это дальше, это левее, это на тот берег! Когда пара самолетов вырвалась из-за хутора, он

понял – сюда!

Нарастающий вой заглушил все звуки. Виктор закрыл глаза и сразу подумал: зачем? Приоткрыл их, увидел кусок синего неба, исполосованный дымом, и в эту секунду на него с треском обрушилось что-то черное, подбросило и закрутило. Ему казалось, что он летит в воздухе, он пытался раскинуть руки, чтобы упасть плашмя, но упал боком, и по всему телу мгновенно разлились сильная боль.

Когда Вышкварцев и Гафиуллин подоспели к нему, Виктор лежал вытянувшись во весь длинный рост, ноги его до колен были в воде. В десяти метрах дымилась цепочка неглубоких воронок.

– Ой, команды-ы-ыр! Ой, команды-ы-ыр! – по-бабьи причитал Гафиуллин, ползая около Дьяконского на коленях. Емельян разодрал окровавленную гимнастерку Виктора, приложил ухо к груди. Сердце билось. Осторожно смыл кровь на голове. Осколок, как бритвой, срезал Дьяконскому половину правого уха.

– Ничего, – сказал Вышкварцев. – Это ничего, кость не задета.

Другой осколок пробил Виктору шею возле ключицы. Рана была неглубокой, но из нее сильно текла кровь, и Емельяну она показалась опасной. Он крепко забинтовал ее.

Когда началось большое летнее наступление 1942 года, Гитлер перенес свою ставку в Винницу, ближе к фронту. Берлин самодовольно переваривал приятные новости. Газеты прославляли генералов Манштейна и Гота. При блеске новых успехов имя Гудериана совсем померкло. О нем не вспоминали. Даже полковник Шмундт, и тот ни разу не позвонил ему.

С двойственным чувством следил Гейнц за ходом событий. Как патриот он радовался успехам армии. Но зависть мешала ему быть объективным. Особенно болезненно воспринимал он победы своего старого коллеги генерал-полковника Гота. Да, танкисты снова показали себя. Маневр был блестящий, как раз в том стиле, который проповедовал Гудериан.

Прорвавшись от Курска к Воронежу, танкисты Гота проложили путь пехоте, а затем повернули круто на юг, стремительным маршем через степи вышли в большую излучину Дона. Русские сумели задержать войска, наступавшие к Сталинграду по прямой. И тогда Гот совершил еще один превосходный маневр: переправил свои танки через Дон возле станции Цимлянской, захватил станцию Котельниково и устремился на Сталинград с юго-запада.

Наступление большими массами танков на широких опе-

ративных просторах! — разве не об этом мечтал всегда Гейнц. В прошлом году такая возможность была ограничена местностью. А у Гота идеальные условия. Он действует на равнине, не привязан к дорогам. Гот пользуется сейчас славой. Гудериан утешал себя мыслью, что нация никогда не забудет того, кто создал танковые кулаки, кто научил их наносить дробящие неотразимые удары...

Операции развивались успешно. Оптимисты снова заговорили о близком конце восточной кампании. Но, как это ни странно, Гудериана не покидало беспокойство, подсознательная тревога. Сначала он приписывал это шоку, который сам пережил на Восточном фронте. Разве не казалось тогда ему, что победа совсем рядом? А теперь? Теперь тем более. Один из старых знакомых прислал ему из России перевод приказа «Ни шагу назад!» Даже сам Сталин признавал, что Советский Союз находится на краю катастрофы, что какие-то считанные метры отделяют русских от пропасти. В немецкой армии такой приказ, такое обращение к солдатам было бы невозможным даже при самом плохом положении дел. Вполне естественно, что фюрер сразу сделал из этого свои выводы, бросил вперед все войска, не оставив резервов. Но разве можно до конца понять русских? Когда немцы напрягали под Москвой последние силы, русские нашли вдруг в глубине своей огромной страны несколько новых армий. Где гарантия, что подобное не повторится?

Два факта особенно беспокоили Гудериана. Советские ге-

нералы изменили тактику. Теперь войска не удерживали территорию, они научились маневрировать, уходить из-под ударов. Немцы смогли рассеять и потеснить несколько русских армий. Но наступление велось только фронтально. Все попытки окружить большие массы войск оканчивались неудачей. А ведь прошлым летом окружение было главным козырем. В мае—июне, всего за восемь недель и на сравнительно небольших участках, в районе Харькова и в Крыму, немцам удалось захватить большие трофеи и полмиллиона пленных. Теперь немцы продвинулись до Волги и до Кубани, отвоевали огромную территорию, но, по точным данным генерального штаба, взято в плен всего восемьдесят тысяч человек. Очень уж непропорционально выглядели эти цифры. Говорили они прежде всего о том, что русские пытаются сохранить свои главные силы, что решающие сражения еще впереди. И тогда... Тогда фюрер снова позовет его в строй! — к этому сводились в конце концов все размышления Гудериана.

Жаром обдавал размякший асфальт, к нему прилипали подошвы. Идти по шоссе было невозможно. Роты, поломав строй, шли по обочинам, по тропинкам, стараясь укрыться в жидкой тени тополей, поседевших от пыли. Впереди синими тучами вырастали горы. Появились холмы, покрытые дубовыми зарослями.

Заслышав частый цокот копыт, Матвей оглянулся. По

шоссе галопом неслись трое всадников. Казаки догнали колонну и осадили мокрых, с пеной в пахах лошадей.

— Где командир?

— В голове колонны.

— Танки сзади! Километра три! — Казак пришпорил коня.

Пламенем метнулся за его спиной алый башлык.

— Рота, стой! — закричал Горбушин. — Кру-гом! Вправо, цепью, развернись!

На середину шоссе выбежал капитал-лейтенант, сложил ладони рупором, скомандовал громко:

— Первая рота разворачивается слева! Пулеметчики — слева. Бронебойки ближе к дороге! Огонь по команде! Ребята, не тушуйтесь, есть случай посмотреть металлолом! Ветер в бизань!

Моряки падали в пыльную траву, прятались в ямах за стволами дубков. Еще перебежали, ища укрытия, люди, а на дороге уже появились фашисты. Впереди катился разведывательный броневик. Танки сползали с шоссе, на ходу перестраивались, образуя клин. Головные машины открыли огонь.

Горбушин лежал за мшистым камнем. От напряжения занемели пальцы, стиснувшие гранату, но Матвей боялся разжать их, боялся, что не выдержит, вскочит.

Он вздрогнул, когда рядом заиграл на баяне Костя. Играл громко, и все те же «Амурские волны».

— Заткнись! — заорал кто-то.

Костя приглушил баян, приподнялся, спросил презрительно:

– Эй, на палубе, кого слабит?

– Давай! – крикнул мичман Морозов. – «Варяга» давай!

– «Варяга» поберегу ближе к смерти, – сказал Костя и снова рванул вальс.

Возле дороги защелкали бронебойки. Мимо Горбушина прополз Морозов со связкой фанат. Матвей высунулся из-за камня и сразу упал: танк лез прямо на него.

Стиснув зубы, Горбушин привстал, бросил фанату в блестящую гусеницу. Столько силы вложил он в этот бросок, что фаната перелетела через танк. Тяжелое чудище прогремело рядом, Матвей откатился к валявшемуся баяну. Хотел кинуть вторую фанату, но за танком бежал Костя. Когда машина замедлила ход, разворачиваясь к дороге, матрос метнул в жалюзи бутылку. Танк помчался быстрее, то ли убегая, то ли пытаясь сбить охватившее корму пламя.

Немецкие пехотинцы, высадившиеся из грузовиков, не пошли в атаку, начали окапываться вдалеке.

Появилась, наконец, наша авиация. Прилетели с юга четыре трескучих фанерных У-2. Низко прошли они над вражеской пехотой, над колонной грузовиков. Простым глазом видно было, как высовывается из второй кабины штурман, руками бросает мелкие бомбы.

– Товарищ старший лейтенант! – позвали Горбушина матросы. – Мичман погиб!

Морозов лежал метрах в десяти перед камнем, лежал ничком, вытянув вперед руки с гранатами, которые так и не успел бросить.

Рядом сидел худенький Костя и плакал, бескозыркой вытирая слезы.

* * *

По узким ущельям, по берегам быстрых речушек шли моряки на юг, догоняя откатившийся фронт. Горное эхо далеко разносило гремевшую впереди канонаду. Бой клекотал где-то на перевалах, на пути к Туапсе. Казаки вели моряков обходными тропами, через вековые девственные леса. Матвей и не подозревал раньше, что по соседству с обжитым курортным побережьем есть такие глухие дебри. Затеняли землю старые дубы и буки, выше их крон пробились островерхие сосны. Густой подлесок был непролазно опутан плющом. Под зеленым пологом стойко держался запах прелой листвы и гниющих деревьев. Было сумрачно и прохладно.

В долинах, в дубняке, встречались стада жирных, отъевшихся за лето кабанов. Их мясо было для моряков главной пищей. Казаки умудрились подстрелить даже молодого медведя.

Двигались медленно, растянувшись на узкой, заросшей папоротником тропе. Каждые полчаса менялись пары у носилок с ранеными. Подъем выматывал людей. Горбушин та-

щил на спине тяжелый футляр с баяном. Сам Костя с трудом плелся в конце колонны. У этого худенького старшины с безжизненным, будто из воска вылепленным лицом еще зимой было пробито легкое и сломаны шесть ребер. Его хотели де-мобилизовать. Только благодаря мичману Морозову баяни-ста оставили в батальоне.

Краснофлотцы пытались отобрать у него винтовку и про-тивогаз, предлагали помощь, но Костя отвечал, иронически усмехаясь:

– Мальчики, не волнуйтесь, я еще жив. Горный воздух де-лает чудеса...

На пятые сутки батальон добрался, наконец, до своих. Ка-зачий дозор, встреченный на тропе, вывел моряков к просе-лочной дороге. Тут, на поляне около лесного кордона, рас-положился эскадрон кубанцев, охранявший фланг стрелко-вых частей, дравшихся на перевале.

Многие казаки ушли из своих станиц с семьями, как в ста-рину, увели с собой жен и детей, угнали скот. На поляне сто-яли десятки арб, на окраине леса паслись лошади и коровы. Женщины сутились возле костров, бегали дети, несколько стариков в фуражках с выцветшими околышами невозмути-мо грелись на солнце.

Командир эскадрона, плотный, грузноватый мужчина лет сорока, с вислыми прокуренными усами на коричневом ли-це, пригласил капитан-лейтенанта и ротных командиров в сторожку.

– О людях не беспокойтесь. Помоем, накормим и спать уложим, – заверил он. – Фельдшер пошел к вашим раненым. Тяжелых сразу отправим в госпиталь. У нас тут порядок.

Две пожилые женщины быстро и бесшумно собирали на стол. Подросток раздувал под окнами самовар. В комнате пахло медом.

– Наслышаны о вас, – сказал командир эскадрона, поднимая наполненную до краев алюминиевую кружку. – Позвольте предложить за ваши громкие дела, за ваше здоровье!

– От кого же вы про нас слышали? – спросил Матвей. – Полковник, что ли, здесь был?

– И от своих слышал, и от немцев. Пленные про черных комиссаров рассказывали, – командир эскадрона крякнул, вытер усы, умелым движением разорвал пополам жареную курицу. – Пленные брешут, что у вас весь батальон из одних политруков создан.

– Ну, ерунда чистейшей воды, – засмеялся капитан-лейтенант.

– Я и сам думал, что ерунда, – сказал командир эскадрона. – Только почему у матросов звезды-то комиссарские на рукавах?

– Не комиссарские, форма такая. До войны так ходили.

– А я вот тоже не знал, – объяснил эскадронный. – На море-то и не ездил, вот и подумал: может, правда, какая-нибудь отборная часть.

– Отборная, – согласился капитан-лейтенант. – Целый год

война отбирала.

– Тогда понятно. А немцев-то вы не разубеждайте, пуще бояться будут. Они и так вас вроде бы смертниками считают. Даже указание у них есть: бить морских комиссаров артиллерией и авиацией, а танки и пехоту беречь. Вы это учтите. В горах тесно, тут ближний бой – самое милое дело. В горах человек силен, на технику здесь цена падает.

– Минометы, – возразил капитан-лейтенант. – Они везде хороши, а здесь просто незаменимы. В любом ущелье, под любой скалой гадов достанут.

– И переносить их легко. Я на лошадей выучу, – оживился командир эскадрона.

Горбушин подумал, что начинается весьма деловой разговор, подвыпившие командиры готовы затеять семинар по обмену опытом. Матвею и слышать не хотелось о военных делах, так все это обрыдло, осточертело. Надо же наконец хоть как-нибудь разрядиться, дать отдых и нервам, и мозгам, и телу.

Узкая длинная поляна вытянулась вдоль дороги. Ниже под крутым обрывом, журчал ручей, оттуда несло сыростью и прохладой. Справа – пологий подъем, непролазно заросший диким лесом. Куда ни посмотришь – везде зеленое море, курчавое вблизи и ровное поодаль, потемневшее в долинах, куда не попадало вечернее солнце. Цепи гор, возраставшие к востоку, были похожи на гряды зеленых волн, а их голые каменистые вершины казались шапками серой пены,

кипящей на гребнях.

Матвей пошел по тропинке среди кряжистых невысоких дубов. Останавливался на открытых местах, у каменистых россыпей, чуть прикрытых жесткой, выгоревшей до желтизны травой.

Впереди что-то белело. Горбушин сделал несколько шагов, огибая куст, и увидел женщину; она лежала в зарослях папоротника на плащ-палатке, высоко взбитая юбка не закрывала ног, кофтенка была расстегнута, обнажая груди. Большой темной рукой она осторожно гладила волосы моряка, который спал, уткнувшись лицом ей под мышку. Матвей узнал Костю.

Такой мирной, такой естественной была эта картина, в тихом, вечном лесу, в неясном свете уходящего дня, что Горбушин не испытал никакого стеснения и даже залюбовался ими: эта, пусть случайная, пара олицетворяла собой природу, олицетворяла жизнь.

Спустившись пониже, он сел прямо на тропинку, среди вылезших из земли корней, прислонился к стволу дуба. Глядя в прозрачное небо, думал: хорошо, что встретилась моряку эта женщина. Совсем недавно дважды искалеченный паренек Костя бежал в атаку навстречу смерти. Подавив страх, играл под бомбежкой «Амурские волны», озверев, гнался за танком, своими руками похоронил лучшего друга, а потом шагал, тупой от усталости, час за часом, день за днем, чтобы не отстать от товарищей... Это же невыносимая нагрузка

для двадцатилетнего паренька. Что там у него вместо души? Одни клочья. А эта женщина согреет, успокоит его. Костя проснется не от взрыва, проснется от поцелуя, в его памяти что-то ослабнет, отодвинется вдаль. Он почувствует вкус жизни, почувствует радость, и ему легче будет идти дальше, в следующий бой.

От кавказских лесов ох как далеко до Германии! И если все-таки удастся остановить немца, если кто-то дошагает потом до немецкой столицы, то среди них наверняка не будет ни Кости, ни капитан-лейтенанта, ни самого Горбушина. Кто их вспомнит тогда? Нужно, чтобы ты остался в памяти людей отцом, дедом, прадедом. Это чудо способна сотворить женщина, которая лежит с Костей. А для него, для Матвея, такое же чудо способна сделать Руфа, Руфина...

Он усмехнулся: Руфина молодая, красивая, зачем ей случайный ребенок? Был муж, были у нее другие встречи, будут и после Матвея. Время сотрет Горбушина в ее памяти. А вот Ольга – не забудет: по-плохому ли, по-хорошему, но он для нее был и останется единственным.

Мужчина помнит всегда первую любовь, а женщина – первого мужчину. От этого не уйдешь.

Повинуясь нахлынувшему вдруг чувству, Матвей вытащил из планшетки тетрадь, карандаш и начал писать быстро, не думая. Писал, что сидит в лесу, что вокруг горы, со стороны моря ползут облака. С дуба срываются тяжелые желуди и щелкают, как пули. А недавно был бой, они потеряли

многих товарищей и с трудом пробились к своим. Ольга – это самое светлое, что было и есть в его жизни. Он мечтает увидеть ее, побыть рядом. Сейчас только одна просьба: хочется получить весточку, хоть несколько строк. Ведь он никогда не видел ее почерка, но так явственно вспоминает запах герани...

Горбушин не стал перечитывать письмо, боялся, что раздумает отправить. Складывал треугольник вздрагивающими пальцами. Смотрел и не верил, что этот листок попадет в руки Ольги...

Почти бегом спустился на поляну, подошел к коновязи, где фыркали в сумерках лошади, спросил пожилого казака, как отправляется почта.

– А вон ящичек на дереве, – показал тот. – Каждое утро почтарь увозит. – Помолчал и добавил с гордостью: – Это у нас в аккурате.

Матвей опустил треугольник в прорезь ящика и сразу почувствовал почти физическое облегчение. Вся тяжесть сомнений и раскаяния осталась на том тетрадном листочке. Как это просто – написать, и как трудно было решиться...

Веселый и довольный собой, вернулся он в сторожку. Там при тусклой свече все еще сидели несколько командиров. В нос ударило сивухой и махорочным дымом.

– Эй, товарищи, хоть бы проветрили, – укорил Горбушин и спросил без всякой последовательности: – Долго отсюда письмо до Тулы пойдет?

– Месяца полтора, – сказал эскадронный. – Раньше напрямик почта шла, а теперь далеко. Теперь до Сухуми повезут, потом в Тбилиси, потом на Каспий, а оттуда уж и не знаю куда. Может, даже через Среднюю Азию... – И, видя огорченное лицо Матвея, успокоил: – Если в пути не погибнет, месяца через полтора дойдет!

* * *

Ослабленный потерями, батальон был переименован в морской отряд и придан стрелковой дивизии, медленно отходившей вдоль ущелья к перевалу. Немцы напирали двумя дивизиями, каждый день «обрабатывали» ущелье авиабомбами, засыпали его минами. Но тут им негде было развернуть танки и тяжелую артиллерию.

Фашисты выбрасывали в горы разведывательные группы, пытаясь нащупать обходные тропинки, ведущие в тыл русских, на Туапсе. Морской отряд получил приказ перекрыть единственную в этих местах тропу, которую могли использовать гитлеровцы. Она была настолько крута, что по ней не прошли даже выючные лошади. Весь груз: и оружие, и боеприпасы, и пищу – матросы несли на себе.

К концу второго дня рота Горбушина поднялась на каменистую, поросшую сосняком вершину. Выслали вперед боевое охранение. Бойцы прилегли, отдыхая, ели хлеб с набранными в пути дикими грушами, запивали маленькими глот-

ками из фляг: все знали, что вода осталась далеко внизу, на горе нет никаких источников.

Потом принялись долбить камень, перекачивать гранитные глыбы, чтобы создать укрытия для стрелков и пулеметчиков. Место было удобное, тропа убегала вперед по лысому некрутому склону, противника можно было увидеть метров за триста.

Вечером в роту пришел капитан-лейтенант. Был он необычно хмур и раздражен, чего не случалось с ним при любой неудаче. Приказал Горбушину, не прерывая работу, собрать по десять человек от взвода. Моряки построились на западном склоне. Командир отряда постоял с минуту, оглядывая знакомых матросов, чуть подобрел лицом. Скомандовал резко:

– Снять головные уборы! – и сам снял свою щегольскую фуражку.

Строй шевельнулся и замер.

– Товарищи! – голос капитан-лейтенанта звучал глухо. – Ребята, десятого сентября жлобы взяли Новороссийск.

У Матвея в руке хрустнул козырек мичманки... Последняя большая база для кораблей, последняя опора флота. Немцы теперь с трех сторон...

– Ребята, – снова заговорил капитан-лейтенант. – Там три дня дрались на улицах врукопашную. Там легли многие наши, которые с Одессы и которые с Севастополя. Но и гадам там тоже кисло было. Наши ушли из города, но держат це-

ментные заводы; сидят на восточном берегу бухты. Там жлобов на Туапсе не пропустят. Но они идут здесь...

Капитан-лейтенант остановился на полуслове, махнул рукой и сел на камень.

– Ну, все. Давайте закурим.

Моряки сгрудились вокруг, молча крутили сигарки, щелкали зажигалками. Кто-то спросил тихо:

– Как там батальон Вострякова, не слышали?

– Батальон жив. А люди – вы сами знаете, какие там люди!

– Бездомные мы теперь, – сказал Костя. – Мы теперь со всем как пехота...

– Ну-ну, стоп травить, – резко повернулся к нему капитан-лейтенант. – Флот жив и нас помнит! Флот в Потю ушел. А нам дальше отступать некуда. Крышка, ребята, тут последние перевалы. Тут бросим последний якорь.

Матросы смолкли. В прохладном воздухе слышно было, как стучат ломы и шаркают о камни лопаты. Низом, по ущелью, докатывался дальний грохот, будто в горах срывались обвалы. Там, где днем черной тучей висела дымовая хмарь, где в сумерках появилось расплывчатое багровое облако, теперь все яснее очерчивался на краю горизонта огненный конус. В той стороне пылали леса, пылали сами горы, облитые с самолетов горючей жидкостью.

– Жлобы уже на тропе, – негромко сказал капитан-лейтенант. – Сюда идет полк горных егерей. Они знают, как воевать среди скал, но они еще не знают, как воевать с матро-

сами. Готовьте им салют наций и передайте всем, что здесь наш Севастополь!

* * *

От Москвы до Воронежа расстояние немалое, но Ватутин выехал туда на машине. С таким расчетом, чтобы прибыть на место в темное время, когда нет бомбежки. Пользоваться самолетами он не любил: то погода плохая, то нельзя сесть там, где требуется. Поездом было долго и опасно: обстановка под Воронежем неясная. Сидя в вагоне, будешь лишен маневренности, а на машине куда захочешь, туда и свернешь, где надобно, там и проскочишь.

Адъютант Семенчук – рядом с шофером. Ватутина сзади просторно. Разложил бумаги, карту, пересеченную синей жилкой Дона. Изредка поглядывая на проносившиеся поля и перелески, просматривал сводки, поступившие из района Воронежа за последнее время.

Для кадрового военного резкие изменения судьбы – дело привычное, но на этот раз события развивались так быстро и неожиданно, что Николай Федорович еще не успел перестроиться, еще вживался в новое положение. Несколько месяцев после возвращения с Северо-Западного фронта Ватутин занимал пост заместителя начальника Генерального штаба по Дальнему Востоку. Кое-кто подшучивал: все мы, дескать, на западе воюем, один Ватутин на востоке фронт держит. Шут-

ка, конечно, вещь хорошая, но ведь и действительно Николай Федорович всего лишь с несколькими сотрудниками занимался огромным и многообразным театром военных действий. Наши войска в тех краях, противостоящие японской армии, возможность агрессии со стороны самураев, ход событий в Китае и на американо-японском фронте, перспективы, стратегия и тактика воюющих сторон, вооружение и снабжение – все досконально должен был знать Ватутин, за все отвечал перед Ставкой, перед самим Сталиным. А сведения с востока поступали скупо.

Николай Федорович, как всегда, добросовестно выполнял свои обязанности, но мысли и сердце его были не на востоке, а гораздо ближе, на Дону и на Волге, где решался исход кампании и, возможно, всей войны. Выкраивал время для того, чтобы анализировать положение на этих участках фронта. Вносил свои предложения, готовил разработки операций. К мнению Ватутина прислушивались, тем более когда новый начальник Генерального штаба Александр Михайлович Василевский, сменивший заболевшего Шапошникова, уезжал на фронт, а уезжал он часто. Помогали Ватутину большой штабной и боевой опыт, ясное понимание сильных и слабых сторон наших и немецких войск. В отличие от некоторых генералов, Николай Федорович не считал зазорным учиться у противника, брать все лучшее, что имеется в тактическом, оперативном, стратегическом арсенале врага. Может пригодиться – обращай в свою пользу.

Особенно болела у него душа за Воронежское направление. Опасность для Москвы – это одно. Немцы стремятся отрезать нашу столицу от хлебных и нефтеносных районов, от приволжских и южноуральских заводов. И к тому же – родные края. Захватили гитлеровцы деревню Чепухино, где жили мать и три сестры Николая Федоровича. Никаких известий от них нет. Наверно, не успели эвакуироваться. А немцы хорошо знают, кто таков Ватутин, не дай Бог, доберутся до его родственников...

Он редко видел сны, но последнее время его мучили кошмары. Явственно представлялась деревенская улица, темнеющий вдали лес, гряда меловых гор. Торопился будто бы к речке, где ждала его Таня – невеста с перекинутой через плечо тяжелой косой. Раздвигал кусты, радуясь встрече, и вдруг путь преграждал огромный, черный и безликий фашист, высившийся, как скала. Медленно поднимался ствол автомата. Сейчас грянет выстрел... Николай Федорович вскрикивал, просыпался, протягивал руку. Жена была рядом. Но мама? Но сестры?

На очередной доклад в Ставку они отправились вместе с Василевским. Это стало неписанным правилом. Верховный Главнокомандующий ценил осведомленность Ватутина, его умение кратко и обоснованно отвечать на вопросы. На этот раз речь шла о положении под Воронежем.

– Обстановка напряженная, – сказал Сталин. – Мы даже не знаем достоверно, что происходит. Вероятно, наше ко-

мандование выпустило там управление из своих рук.

Ватутин не выдержал:

– Разрешите? – громко произнес он. – Товарищ Сталин, разрешите мне поехать в Воронеж.

Такого еще не случалось, никто не решался прерывать Сталина. Он сам обдумывал, кого куда послать, на какой пост выдвинуть. Он спрашивал – ему отвечали. А тут...

– Почему именно вы? – помедлив, недовольно сказал Сталин, вглядываясь в лицо Ватутина. – Вы занимаетесь другим направлением.

– Так точно. Но я слежу за положением под Воронежем.

– Если не ошибаюсь, вы из тех мест?

– Да. Я воронежский.

– Это хорошо. В данном случае вам и карты в руки, – сказал Сталин. – Но вы как работник Генерального штаба лучше других знаете: мы не можем сейчас помочь там нашим войскам. Ничем не можем.

– Мне это известно.

– А задача остается прежняя. От Воронежа, от Дона – ни шагу назад. Мы даем вам самые широкие полномочия. Принимайте на месте любые необходимые меры.

– Спасибо, товарищ Сталин, – поблагодарил Николай Федорович, понимая: ему оказано большое доверие, но с него и спрашивать будут по всей строгости. Тем более что сам напросился.

Сейчас, в пути, он размышлял: с чего начать? Гитлеров-

ские войска, вырвавшиеся к Воронежу, еще сильны, хотя, конечно, уже не такие, какими были в начале наступления. Сопротивление наших бойцов, несколько контрударов основательно измотали фашистов. Они теперь если и продвигаются вперед, то лишь на узких участках, где у них сохранились танки. Из донесений можно сделать вывод: вражеская пехота самостоятельно не в силах сломать нашу оборону. Она идет за танковым тараном. А противотанковых средств у нас там мало, и к тому же рассредоточены они по всему фронту. Значит, чтобы остановить врага, надо остановить его бронированные машины. Чтобы отбросить противника, необходимо выбить его технику, а затем уже теснить пехоту пехотой. Теоретически ясно. А вот что противопоставить гитлеровской броне? Выход Николаю Федоровичу виделся только один. Быстро, решительно взять из всех входящих во фронт соединений противотанковую артиллерию и собирать ее возле Воронежа, где действуют фашистские танки. Столь же быстро изъять из всех подразделений противотанковые ружья, вплоть до отдельных расчетов, имеющих в ротах и батальонах. И тоже сюда, на острие вражеского клина. Рискованно? Да. Но рискуют же немцы, собрав все танки на одном участке. Враг не будет сейчас менять направление удара. У него определенная и важная цель – Воронеж, от этой цели он не откажется, иначе вся трудная и кровопролитная операция теряет для гитлеровцев смысл.

Далее. Во всех частях, желательно во всех подразделени-

ях создать группы истребителей танков из лучших, обстрелянных бойцов. Вооружить их в достатке противотанковыми гранатами и бутылками с горючей смесью.

До передовой еще сотни километров. Машина тряслась на полпути от Москвы до Воронежа, а Николай Федорович уже начал свое сражение с фашистами. Он знал, что со многими неожиданностями и сложностями придется ему столкнуться, много трудных решений придется принять в ближайшее время, но начнет он с противотанковой обороны. Остановить, уничтожить вражескую технику на главном направлении — это самое важное.

* * *

Не день, не два будут еще поступать в Москву сообщения о тяжелых боях в районе Воронежа. Не сразу изменится там обстановка. Но постепенно прекратится отход наших войск, установится сначала шаткое, потом все более прочное равновесие. Где-то гитлеровцы сумеют продвинуться на километр, где-то наши выбьют их из окраинных домов, оттеснят к реке, захватят трофеи. Обычные фронтовые будни. И теперь это направление не вызывало больше в Ставке особой тревоги.

Генерал Василевский на одном из докладов спросил Верховного Главнокомандующего: не пора ли позвать Ватутина в Генеральный штаб?

– Зачем? – пожал плечами Сталин. —. Разве он просит об этом?

– Не просит. Но он мой заместитель и нужен здесь.

– Поищите себе другого заместителя, столь же полезного, – усмехнулся Сталин. —Товарища Ватутина мы оставим командовать Воронежским фронтом. У него неплохо получается.

Василевский не считал возможным и нужным возражать. В глубине души он был доволен и горд: выдвижение штабного работника на такой пост – это бывает не часто.

* * *

Оказавшись на очень высокой командной должности, обремененный массой повседневных забот, Николай Федорович не отрешился и от привычек генштабиста. Или натура такая: практика практикой, но и без анализа, без обобщений обойтись не мог. В те редкие минуты, когда его не отрывали для текущих дел, обдумывал он общее положение на советско-германском фронте, стараясь выявить закономерности, определить намечавшиеся тенденции, отыскать уязвимые места у противника.

В любом бою, в любой операции и целой кампании обнаруживается явление, которое можно назвать законом взаимного притяжения сил. Наступающий стягивает свои войска в определенный район. Естественно, что и обороняющийся

постарается укрепить свое положение в этом районе. Столкнувшись с упорным сопротивлением, наступающий вынужден подбрасывать все новые и новые части.

Особенно проявляет себя этот закон, когда военные действия разворачиваются стремительно и на больших пространствах. Причем подспудное влияние законов не сразу и обнаруживается в горячке событий, но в конечном счета бывает очень сильным.

Летом 1942 года немцы наносили главный удар в направлении на Баку. Завоевать кавказскую нефть – такую цель выдвинул фюрер. Туда и намеревались гитлеровцы направить основную массу войск. Директива, ставившая германской армии задачи на летнюю кампанию, даже не предусматривала обязательного захвата Сталинграда. Немцы должны были попытаться достигнуть этого города «или по крайней мере подвергнуть его воздействию тяжелого оружия с тем, чтобы он потерял свое значение как центр военной промышленности и узел коммуникаций». Однако в ходе боев фашисты столкнулись в излучине Дона с крупными силами советских войск. Гитлеровцы просто не могли оставить на своем фланге такую угрозу и вынуждены были повернуть на Сталинград те части, которым предписывалось вначале действовать на Кавказе. И чем дальше, тем больше центр тяжести переносился именно сюда, хотя это явно противоречило вражеским планам. Острым и длинным клином выдвинулись гитлеровские войска к Волге, не очень-то заботясь о своих растяну-

тых флангах. Сама конфигурация фронта в этом районе вызвала у Николая Федоровича определенные размышления. И, конечно, не только у него.

На Кавказе немцы совершенно неожиданно встретили сильнейшее сопротивление в районе Новороссийска и Туапсе. Чтобы сломить это сопротивление и обезопасить тыл, они вынуждены были стянуть туда больше половины войск, предназначенных для прорыва на Баку. Все немецкие армии на юге были скованы тяжелыми боями, несли большие потери, испытывали трудности со снабжением. К тому же близилась зима, а до нефти было еще далеко. Стремясь высвободить свои дивизии для борьбы на решающих направлениях, немцы выдвинули на второстепенные участки фронта войска союзников. В августе—сентябре по правому берегу реки Дон, от Воронежа и до города Серафимовича, заняли оборону венгерская, итальянская и румынская армии. Центральную часть этой полосы, от Павловска до станицы Вешенской, заняли итальянцы.

Не здесь ли у противника самое уязвимое место? Во всяком случае Николай Федорович особо отметил на карте районы, обороняемые не гитлеровцами, а их союзниками. Свои соображения, свои прикидки на будущее генерал Ватутин систематически сообщал в Генеральный штаб.

Все лето генерал-майор Порошин провел в далеком тылу, на Урале, где формировалась его дивизия. Только в конце августа, когда части были полностью укомплектованы: людьми и техникой, поступил приказ: дивизия передавалась в состав Воронежского фронта. Ночью первые эшелоны отправились на запад.

В штабе армии Порошин познакомился с обстановкой. Его соединению отводилась двадцатикилометровая полоса на берегу Дона. Участок тихий, активных действий не производится. Там сейчас сводный полк из саперов и остатков отступивших подразделений. Дивизия Порошина должна занять жесткую оборону и готовиться к наступательной операции с ограниченной целью. Генералу рекомендовали подумывать о захвате плацдарма на правом берегу и через неделю доложить свои соображения.

Головной эшелон дивизии еще только разгружался на станции в ста километрах от реки, а Порошин уже выехал на рекогносцировку местности. Отправился вместе со своим комиссаром на новехоньком, без единой царапины, американском «виллисе». Машина была хоть и неказистая с виду, но сильная, хорошо шла по бездорожью и легко брала подъем,

В деревне с разбитой церковью разыскали командира сме-

няемого полка, пожилого майора из запасников, с черными петлицами инженерных войск. Сапоги у него были стоптанные, пилютка измята, гимнастерка выцвела и застиралась, стала грязно-серой. Комиссар, заметив, как схлынула с лица Порошина кровь и побледнел лоб, решил, что сейчас будет разнос за неряшливый вид. Но генерал сдержался. Приказал майору лезть в машину и показывать дорогу. Тот спокойно сел рядом с водителем, да еще и напялил на нос очки с аляповатой дужкой из медной проволоки. Комиссар кивнул на его сутулую спину и развел руками. Порошин сердито отмахнулся: что с него возьмешь, он инженер, сунули его не в свои сани.

Дорога напрямик резала сжатые поля с высокой стерней, бежала мимо стогов соломы, мимо редких перелесков. Впереди завиднелась полоска реки и пологие высоты на правом берегу Дона.

– Оборона у противника не сплошная, – глуховатым голосом докладывал майор, повернувшись к Порошину. – Сидит главным образом на высотах, в трехстах-четырёхстах метрах от воды. Очаги обороны имеют хорошую огневую связь. Пулеметы простреливают реку фланкирующим огнем.

– Танки?

– Были здесь танки первые дни. Но место для переправы неудобное. Артиллеристы постреляли по танкам, они ушли.

– Какие части обороняются в вашей полосе?

– Итальянский альпийский корпус, горные егеря. А номе-

ров я не знаю.

– Что, пленных не было?

– Давно не было, – подтвердил майор.

Спокойствие и отсутствие какой-либо робости перед начальством располагали к нему, но Прохор Севастьянович никак не мог подавить неприязнь, вызванную внешним видом этого человека.

Дорога повернула влево, вдоль Дона, то приближалась, то удалялась от него, спрямляя изгибы реки.

– Ближко едем, – забеспокоился комиссар. – Увидят нас.

– А они давно уже видят, – сказал майор. – Вон высота. – Лысая называется. Итальянцы с нее километров на десять наш тыл просматривают.

– Пульнуть могут.

– Нет, стрелять сегодня не будут, сегодня суббота.

– А по субботам что же – перемирие?

– Не то чтобы перемирие, а так уж само собой получилось, что этот день у нас без стрельбы, – все тем же глуховатым спокойным голосом объяснил майор. – С утра наши в реке моются, бельешко стирают. После обеда итальянцы. Лазают вдоль берега, лягушек на праздничный обед ловят.

– Да вы что? – удивился комиссар. – Каких еще лягушек?

– Разных, – сказал майор, и в голосе его Порошин уловил чуть заметную иронию. – Ловят подряд, а потом сортируют. Оказывается, в пищу употребляют не всех, каких-то особенных.

– С голода, что ли? – не мог уразуметь комиссар. – Так зачем же вы им позволяете?

– Деликатес, – сказал майор. – Есть среди них любители. Разрешаю не я, разрешают сами бойцы. Им раз в неделю портянки постирать нужно.

– А вы куда смотрите? Вы командир или что?

– Людей мало, они устали, они в напряжении целыми сутками...

– Но это политическое дело. Если противник начнет атаку?

— Днем не начнут. Они переправились в ночь на среду, – сказал майор. – Пришлось снять людей с других участков. Отбросили.

Комиссар продолжал возмущаться, но Порошин уже достаточно хорошо знал этого молодого, шумливого и, в общем-то, добродушного товарища. Пошумит и отойдет. А то, что рассказывал майор, было действительно интересно. Прохор Севастьянович начал догадываться, что этот инженер в стоптанных сапогах не такой уж простак и не случайно вроде бы между делом сообщает начальству эти подробности.

– Слушайте, майор, – тронул его за плечи Порошин. – Откуда вы знаете, что итальянцы сначала всех лягушек ловят, а потом сортируют?

Инженер сверкнул в сторону генерала очками, и в голосе его первый раз прозвучала живая нотка:

– Ребятишки рассказывают. Да и женщины ходят иной раз

к родным.

– Через реку? – уточнил Порошин.

– Да.

– Черт знает что! – выругался комиссар.

– Подожди, это интересно, – остановил его Прохор Севастьянович. – Можно с этими ребяташками потолковать?

Майор взглянул на часы, подумал:

– Придется проехать еще километров пять. Петька футбол смотрит, наверное...

Прохор Севастьянович давно знал, что на войне бывает всякое. Где-то, скажем, идет бой, гибнут люди, а рядом, за горкой, сидят в обороне бойцы, попивают чаек и режутся в карты. Трудно было удивить генерала Порошина, но тут даже он удивился.

На береговом откосе среди кустов чинно, рядками, сидели десятка три красноармейцев, все пожилые, все из саперов. Здесь же виднелись и пестрые бабьи платочки. Внимание этой публики было приковано к правому берегу. Там, за рекой, меньше чем в полукилометре от них, гоняли на широкой луговине мяч итальянские футболисты. Люди разговаривали негромко, степенно, обсуждали промахи, сравнивали с предыдущей игрой. В стороне, на голом холмике, собрались болельщики «активные» – молодые красноармейцы и босоногие ребяташки. Там кричали, махали руками, называли игроков по имени.

Порошин оставил в машине генеральскую фуражку, на-

кинул плащ так, чтобы скрыть петлицы. Когда к майору подбежал командир роты и хотел дать команду, предупредил: не шумите. Сел под куст, пригласив туда же инженера. Комиссар стоял рядом, нетерпеливо поглядывал на Прохора Севастьяновича. Чего он медлит? Ударить бы по итальянцам из пулеметов, благо и пулеметы находились поблизости, и дежурные пулеметчики сидели возле них на бруствере, следя за игрой. Надо расстрелять пару лент и кончить эту комедию.

Но Порошин не торопился. Разглядывал в бинокль итальянцев, которых собралось на игру сотни две, да еще с высоток наблюдали за ней многие. Спрашивал, где и какая команда. Командир роты сдержанно объяснил, что в белой форме – это «свои» из горно-стрелковой дивизии. В полосатых футболках – приезжие. Они играют тут в первый раз.

– Летчики, – подсказал какой-то сержант. – Полосатые – это летчики. Но им слабо против горных стрелков.

– Вы что, за стрелков и болеете? – спросил Порошин.

– Играют они неплохо. Для нас это вроде спектакля. Мы же не то что представления, даже кино больше года не видели... А макаронники – они насчет боя не очень, зато в футбол хорошо рубятся...

Игра кончилась. Итальянцы скрывались в окопах и ходах сообщения. Некоторые не спеша шагали к высоткам. Человек десять направились к реке. Было хорошо видно, как итальянцы жестикулируют, обсуждая, вероятно, ход матча.

Постепенно опустел и наш берег. На бугре осталось крас-

ноармейцев не больше взвода. Другие ушли далеко. И справа, и слева от бугра не было никаких укреплений, даже окопчиков. «Не оборона, а дыры одни, – подумал Прохор Севастьянович. – Тут действительно, сапоги стопчешь, тут побегаешь, чтобы прорехи затянуть» – посочувствовал он майору.

Между тем инженер привел белобрысого паренька лет двенадцати, босого, в коротких обтерханных штанах.

– Петьки нет, – сказал инженер, не называя Порошина по званию. – Сашок здесь оказался. Вот, Сашок, товарищ с тобой поговорить хочет.

– Здравствуйте, – паренек стянул с головы замусоленную пилотку, с любопытством поглядывал на Порошина и на комиссара. – Дяденьки, это ваша машина?

– Наша.

– Вы, случаем, не в деревню?

– Можем и в деревню. Подбросить тебя?

– Ага! Я ишшо на такой машине не сидел ни разу...

Мальчишка втиснулся между Порошиным и комиссаром. Поехали не спеша, обогнав по пути нескольких красноармейцев.

– К нашим солдаткам топают, – знающе пояснил парнишка.

– Ты, говорят, даже за реку в гости ходишь? – весело спросил Прохор Севастьянович.

– Ха, какие там гости! Деревню вон видите? С краю, за

Лысой горой? Там бабка Настя живет, а тут бабка Клёня живет. Тут меня бабка Клёня от пуза кормит, а бабу-то Настю итальянцы объели, только ишшо картоху на огороде не тронули. Я сам туда гостинцы таскаю...

Вопрос за вопросом, посмеиваясь, задавал Порошин. Польщенный вниманием, Сашок охотно рассказывал, что итальянцы – они ничего, только шибко крикливые и за девками бегают. Все девки из деревни на эту сторону перебрались. Кто на лодках, кто вплавь. Итальянцев-то возле реки нет, они ночью только на горах, а между горами их патруль ходит. От горки до горки два раза в ночь, человек по десять. Когда дождь, то и патрулей нет. Итальянцы зябкие, в избах сидят, чтобы не простудиться.

Этот мальчишка знал, где у противника окопы и блиндажи, где часовые, с какой стороны можно подойти к Лысой горе.

– Вот что, – сказал ему Порошин. – Я тебе приказываю три дня сидеть дома, на ту сторону не ходить и ни с кем о нашем разговоре ни слова!

– А зачем дома сидеть?

– Так нужно. Выполнишь? И чтобы без болтовни!

– Я что, трепач? – обиделся Сашок. – Выполню, честное пионерское под всеми вождями!

Паренька посадили у околицы. Когда он скрылся за плетнем, Прохор Севастьянович повернулся к инженеру:

– Товарищ майор, можно за одну ночь навести легкий

мост против Лысой горы?

– Навести можно. Только надо заранее приготовить все в тылу, потом собрать.

– Вам приходилось выполнять такую работу?

– Приходилось, – сердито ответил майор. – Двадцать лет строил. А потом разрушал.

Прощаясь с ним, Порошин предупредил, что смена полка, возможно, задержится и чтобы на передовой ничего пока не менялось. Пусть сохраняется тот режим, к которому привыкли итальянцы. Майор понимающе посмотрел на генерала, сказал, что так и будет.

Машина покатила дальше. Комиссар протянул Порошину папиросы:

– Ну, как мы теперь с ним?

– На свое место его надо поставить.

– Надо, конечно. Это же преступление. Чуть ли не братание на фронте устроил. Пусть прокуратура займется.

– Я говорю: на саперный батальон его надо поставить, нам еще много мостов строить придется.

– Преступник он, Прохор Севастьянович, а ты о мостах.

– Слушай, комиссар, – повернулся к нему Порошин. – Человека сперва научить полагается, потом требовать. Тут он делал, что мог и как мог, и судить его не за что. Вот если по его вине мост рухнет, тогда дело другое.

– Да чего ты к мостам привязался?

– Идея у меня есть, и, кажется, неплохая. Этот майор от-

личную обстановку для нас создал.

– Куда уж лучше... Как первая батарея прибудет, сразу надо в работу ее. Пусть припугнет итальянцев и ломает к чертовой матери это турецкое перемирие. Везде воюют, а тут какое-то позорище. Еще и нам с тобой шею намылят.

– Нет, комиссар. Ни одной батареи, ни одной роты мы подтягивать не будем. Сосредоточим их пока в лесу. Потом ударим. Неожиданно. Удастся нам Лысую гору захватить – мы над всей округой хозяева. В лоб ее штурмовать – сотни людей положим. А если осторожно, продуманно... Ну, ты меня понимаешь?

– Стараюсь понять, – ворчливо произнес комиссар. – Хочу понять и не хочу мешать тебе, Прохор Севастьянович. Но о бардаке, который тут развели, обязан сообщить в политдонесении.

– Потерпи, – попросил Порошин. – Не в службу, а в дружбу. Дней через пять сообщишь. Иначе понаедут комиссии, поднимут треск, заставят стрелять. Толку никакого, лишь итальянцев насторожат.

– В штабе армии люди не глупей нас с тобой.

– Не глупей, – начал раздражаться Порошин. – Но они со своей колокольни смотрят. Нам та обстановка, которая сейчас на участке, выгодна. Очень выгодна, неужели тебе не ясно? Ты не о высоких материях, о конкретной задаче подумай!

– Подумаю, – с оттенком обиды произнес комиссар. – О

высоких материях – это ты зря. Тут не о материях речь, о принципиальной позиции.

– Позиция сейчас одна – бить противника. Вот подойдут два головных батальона, и сразу ударим. С этим ты согласен? Можно готовить приказ?

– Готовь, подпишу, – кивнул комиссар. – Руководить кто будет?

– Сам. Первая операция, притом – важная. Плацдарм с господствующей высотой: за это нам десять раз спасибо скажут, если получится. На ту сторону Бесстужева с его батальоном пошлем.

– Можно командира полка послать. Надежный. По крайней мере будет с кого спросить.

– Сами с себя спросим. Командиры полков новые, я их в деле не видел, а Бесстужева хорошо знаю.

– Ты его вообще в гении записал.

– Не в гении, командир он умелый. Злой, напористый. И главное – головой воюет.

– Решено, – согласился комиссар. – Но политдонесение я все-таки отправлю. Торопиться не буду, а о майоре сообщу, тут уж ты как хочешь. Это моя обязанность.

* * *

За три спокойных месяца, пока дивизия формировалась в тылу, Игорь Булгаков отъелся и отоспался. Каждое утро

и вечер ходил в спортивный городок, крутился на турнике, прыгал через «коня». Сам чувствовал, как возмужал, как налились силой и будто стальными сделались мускулы. Гимнастерку пришлось взять на номер больше.

Раньше мечтал, чтобы скорей росла борода, хотел посолиднеть. Теперь волос пошел так густо, что приходилось бриться через день, и это надоедало.

Шофер Гиви, получивший звание сержанта, совсем обленился. Ночью храпел, днем дремал на солнцепеке, поглаживая брюхо, шевеля щетинистыми усиками и мурлыча, как сытый кот. В спортивный городок он не навещался, по вечерам исчезал часа на четыре, когда возвращался, от него пахло спиртным и духами.

В начале формирования Игорь просил направить его политруком в батальон капитана Бесстужева или в дивизионную разведку, но генерал Порошин сказал решительно: «Куда тебе в строй, у тебя нога сломана. Катайся в драндулете со своим грузином». Сам выбрал ему должность инструктора политотдела дивизии по работе среди войск противника. Титул был пышный, а обязанности – не бей лежачего. Игорь получил крытый грузовик с радиоусилителем и громкоговорителями. В грузовике разместился весь штат: он сам, Гиви, радиотехник и переводчик, выполнявший по совместительству обязанности машинистки, благо печатать было пока нечего.

Игорь догадывался, что Прохор Севастьянович нарочно

держит его поближе к себе. Как-никак, знакомы они еще с довоенной поры. Генерал Порошин, резковатый на людях, заходил порой к Булгакову «отвести душу», повздыхать о Степане Степановиче, послушать, что пишет Настя. Один раз даже велел Игорю получить причитающиеся командиру дивизии продукты и послать их с оказией в Москву, Евгении Константиновне. Это тронуло Игоря – не забывает старуху, хоть и чужая.

Перед отправкой на фронт политрук Булгаков вместе с начальником политотдела разработал подробный план на месяц вперед: опрос пленных, анализ вражеских писем, дневников и других документов, подготовка материалов для листовок, пропагандистские передачи для немецких солдат на передовой. Но все пошло насмарку, когда выяснилось, что перед ними обороняются итальянцы. Языка итальянского в дивизии никто не знал, да и подход к ним, вероятно, должен быть какой-то другой.

– Не горячись, политрук, – успокаивал Гиви. – Зачем горячишься? Итальянцев мало, немцев много. Сегодня работы нет, завтра работа будет.

Узнав, что батальон капитана Бесстужева готовится к операции, Игорь попросил разрешения отправиться на передовую, познакомиться с обстановкой. Может, там не только итальянцы, но и немцы есть?

– Хорошо, – одобрил начальник политотдела. – Пойдете как наш представитель. Я вот доклад готовлю «Роль комсо-

мольцев в бою», постарайтесь собрать фактический материал. Несколько рядовых надо отметить, двух-трех сержантов и одного лейтенанта тоже желательно.

– Будет сделано, – козырнул Булгаков.

К Бесстужеву как раз собрались ребята из дивизионной разведки. Игорь поехал вместе с ними.

Два батальона, выделенные для участия в операции, расположились в перелесках, километрах в восьми от Дона. Старшины рот выдали бойцам добавочные патроны и по пять гранат. Люди плотно пообедали и теперь отдыхали.

Игорь нашел капитана Бесстужева в просторном шалаше. Капитан только что отпустил ротных и теперь брился, соскребая с загорелых щек жесткую белесую щетину.

– А, пришел, – сказал он Булгакову. – Ты будто чувствуешь, когда интересную кашу завариваем.

– Такая наша судьба политотдельская, – ответил Игорь, садясь на кровать. Он уже привык к равнодушному, чуть насмешливому тону капитана. Бесстужев говорил так со всеми, даже с начальниками, делая исключения только для Порошина – генерала он уважал.

К Игорю комбат тоже относился хорошо, часто вспоминал переправу через ледяную Шать. Когда заговаривали они о довоенном Бресте, о Дьяконском, сразу веселели у него глаза, и мрачноватый капитан со шрамом на темном испитом лице становился вдруг похожим на доброго юношу. Но ненадолго. И после таких разговоров становился еще молчали-

вей. Кто-то из новых товарищей сказал Игорю, что Бесстужев наверняка псих: забрался в себя, как рак в нору, одна служба в нем и ничего человеческого. Но Игорь-то помнил, как крутили они в лыжном батальоне трофейную хронику и как страшно закричал тогда Бесстужев, увидев танк, расплющивший гусеницами женщину...

Капитан кончил бриться, попросил полить ему воды из котелка. Вытираясь полотенцем, сказал:

– Открой консервы на столе. Я хлеба добуду. Чихнем по маленькой – и спать. Три часа в нашем распоряжении.

Игорь стопку выпил, а спать не лег. Пошел разыскивать комсорга. Но комсорг писал письмо домой. Булгаков не стал мешать ему и отправился к саперам, которые, стуча топорами, сбивали плоты и конопатили старые лодки, собранные со всей округи.

В сумерках к реке двинулся головной отряд: рота автоматчиков и десяток специально подобранных бойцов из полковой и дивизионной разведки. Головному отряду отводилась в операции решающая роль. Ему надо было скрытно переправиться на тот берег, пройти между двумя опорными пунктами в тыл противника, неожиданным ударом разгромить штаб у подножия высоты Лысой и захватить на этой высоте ключевые позиции итальянцев. Два стрелковых батальона поддержат отряд атакой с фронта.

Игорь поленился идти пешком, сел в один из грузовиков, которые везли к реке лодки. В километре от реки грузовики

догнали отряд и остановились. Дальше автоматчики понесли лодки на плечах.

Неподалеку от Дона Игорь снова разыскал Бесстужева. Капитан сидел в просторном окопе вместе с командиром отряда и давал ему последние указания. Здесь же переминался с ноги на ногу парнишка лет тринадцати, босой и в красно-армейской пилотке.

– Три ракеты, – сказал Бесстужев. – Как увижу три ракеты, начинаю атаку. Вот вам Сашок. Он доведет до деревни, покажет, где штаб и блиндажи. А начнется бой – Сашка сразу в подвал. Какая у тебя бабка там? Клёня или другая?

– Бабка Настя.

– Беги к ней и нос не высовывай, пока не позовем, – наказал Бесстужев. – Сам пойми: поможешь ты нам здорово, а в бою от тебя толку нет.

– Я ружжо возьму, – шмыгнул носом мальчишка. – Я из ихних ружжов умею, у них предохранитель вот как стоит, – показал он.

– Я тебе дам предохранитель! Раз идешь в операцию, выполняй приказ. Понял?

– Да, понял, – неохотно произнес паренек и ногой почесал ногу.

Ночь наступила безлунная и ветреная. Было по-осеннему темно. Игоря беспокоило, как бы бойцы не потеряли друг друга. Решил держаться вместе с разведчиками, которые побывали на берегу днем, осмотрели местность.

В лодку сели вчетвером. Едва отчалили – сразу начало покачивать. Плескалась вода, волны били в борт, обдавая мелкими брызгами. Разведчики гребли осторожно, стараясь не стучать веслами. Один лежал на носу и смотрел вперед. Что уж он там видел, один Бог ведает, но несколько раз шепотом говорил гребцам: «Правее. Еще правее».

Наконец, лодка мягко ткнулась в песок. Игорь и двое разведчиков потихоньку выбрались на берег, а лодка сразу ушла обратно, взять других бойцов. Прошли метров десять по высокой траве, легли на мокрую землю. Здесь уже были люди, Игорь узнал командира отряда и паренька.

– Тише, – предупредил командир.

– Да они тут и днем не бывают, а ночью подавно, – почти в полный голос сказал парнишка. – Тут топь впереди, они ишшо ни разу сюда не ходили. Только проволоку по краям поставили.

Ровно в полночь отряд двинулся дальше. Сапоги хлюпали по болоту, но постепенно начался подъем, грунт делался тверже. Время от времени строчил пулемет. Ему вторили еще несколько.

Умолкали недлинные очереди, и снова наступала тишина, нарушаемая лишь унылым свистом ветра. Игорь пытался представить себе, как идут сейчас через Дон десятки лодок и плотов, как выпрыгивают из них бойцы и ложатся на мокрый прибрежный песок, ожидая сигнала.

Командир отряда, замедлив шаг, негромко сказал Булга-

кову:

– Пулемет справа будет мешать нашим... Бери трех разведчиков, только без шума...

.– Парамонов! – позвал Игорь знакомого бойца. – И ты, и ты тоже – за мной!

Они отделились от отряда и прошли метров двести, спотыкаясь о кочки. Как-то само собой получилось, что вперед выдвинулся разведчик Парамонов. Огромный, тяжеловесный, он крался сейчас бесшумно, как кошка. Игорь вспомнил, что это он лежал на носу лодки и показывал, куда править.

Парамонов остановился и сел. Остальные опустились возле него.

– Ты что? – шепнул на ухо Булгаков.

– Погоди, пусть постреляет. Не видно.

Минут десять лежали они на росистой траве, напряженно прислушиваясь. Пулемет ударил вдруг так близко и так резко, что Игорь вздрогнул. Видны были даже острые язычки пламени, вылетающие из ствола. И опять, как по команде, ему ответили еще несколько пулеметов, и опять один, вдали, опоздал на минуту.

Парамонов осторожно пополз вперед. Игорь — за ним. Когда разведчик остановился. Булгаков больно стукнулся лбом о его сапог.

Вслед за Парамоновым Игорь на спине съехал в окоп. Здесь темнота казалась еще гуще, но все-таки можно было

рассмотреть пулемет с длинным стволом, стоявший на земляной площадке. Рукоятки пулемета были еще сухими и теплыми, а людей не видно.

Парамонов молча взял политрука за локоть, вложил в ладонь веревку. Она тянулась от пулемета в неглубокий ход сообщения, потом выбегала на открытое место, в овражек. Игорь выругался шепотом: вот, сволочи, как спокойно живут! Скучно им в окопе сидеть. Постреляли – и отдыхать! Даже веревочку протянули, чтобы не сбиться.

Впереди мелькнул огонек. Там, вероятно, был блиндаж, часовой-итальянец прогуливался возле него, забросив винтовку за спину и покуривая сигарету. Парамонов передал Булгакову свой автомат, знаком показал: оставайся на месте. Вытащил финку и пополз бесшумно, не прямо к часовому, а левее, среди кустов.

Игорь приподнялся, готовый рвануться вперед. Рядом с ним темными изваяниями застыли разведчики. Медленно тянулось время. Парамонов исчез. Итальянец подошел ближе, топтался на месте, хлопая ладонью о ладонь, напевая негромко. И когда у Игоря уже истощилось терпение, когда он сам готов был броситься на часового, из кустов тень метнулся Парамонов. Раздался глухой удар, два тела свалились на землю. Булгаков в несколько прыжков очутился рядом. Разведчик лежал на итальянце, придавив его своей тяжестью, рукой зажав рот. Поднялся медленно, сдерживая дыхание. Сунул в ножны финку и взял свой автомат. Игорь

шепнул едва слышно:

– В блиндаж!

Парамонов кивнул и опять пошел мягко, пружинисто, чуть пригнувшись.

Конец веревки был привязан к колышку возле дощатой двери. Игорь рванул ее и первым вошел в земляной тамбур. В нос ударило теплым затхлым воздухом, сладковатым дымком. Тускло горела коптилка, возле нее сидел за столом солдат в шинели и каске. Он писал что-то. Огонек коптилки качнулся, и солдат, не поворачиваясь, ворчливо произнес несколько слов: наверно, просил закрыть дверь.

Оттолкнув Игоря, вперед бросился Парамонов. Итальянец едва успел привстать, как сильнейший удар отбросил его в угол землянки, на кого-то из спящих. Второй разведчик сгреб в охапку винтовки, стоявшие у самого входа.

– Ахтунг! – скомандовал Игорь. – Хенде хох!

Итальянцы вскакивали с нар, подтягивая шелковые кальсоны, очумело протирали глаза. Трое русских с автоматами наготове стояли у входа. Четвертый – богатырь в окровавленной гимнастерке – ходил по блиндажу, покрикивал что-то, бросал итальянцам одежду, торопил: одевайтесь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.